

РОССИЙСКИЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ И ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ: МАТЕРИАЛЫ МЕЖВЕДОМСТВЕННОГО КРУГЛОГО СТОЛА

Подготовили к публикации (сост. и ред.):

П.П. Марченя, С.Ю. Разин

ПРЕПРИНТ

Полное библиографическое описание документа:

Российский конституционализм: теоретические проекты и исторические реалии: материалы межведомственного круглого стола / С.В. Авдеев, М.Б. Аверин, В.В. Бабашкин, В.Ю. Бельский, В.П. Булдаков, В.А. Дёмин, А.Д. Жилкин, А.Л. Золкин, М.А. Краснов, Г.Н. Ланской, В.А. Лепехин, П.П. Марченя, А.Н. Медушевский, В.Б. Перхавко, С.Ю. Разин, В.Л. Шейнис, А.В. Шубин; ред. и сост.: П.П. Марченя (отв. ред.), С.Ю. Разин. – Москва: Соционет, 2019. – 84 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://users4496447.socionet.ru/files/Constitutionalism.pdf>

Сокращенная ссылка на публикацию (при цитировании):

Российский конституционализм: теоретические проекты и исторические реалии / ред.: П.П. Марченя, С.Ю. Разин. М., 2019 [Электронный ресурс]. URL: <http://users4496447.socionet.ru/files/Constitutionalism.pdf>

Аннотация. В декабре 2018 г. в Российском государственном гуманитарном университете состоялся межведомственный круглый стол «Российский конституционализм: теоретические проекты и исторические реалии». В центре внимания участников междисциплинарной дискуссии, в которой приняли участие 17 российских ученых (историков, юристов, философов, политологов и др.) находились проблемы осмысления места и роли конституционализма и парламентаризма как факторов, имеющих особое значение в контексте системных кризисов отечественной истории.

Ключевые слова: Конституция, конституционализм, конституционная реформа, парламент, парламентаризм, Государственная дума, революция, власть, массовое сознание

14 декабря 2018 г. в Российском государственном гуманитарном университете (РГГУ) состоялся межведомственный круглый стол «Российский конституционализм: теоретические проекты и исторические реалии».

Организаторами Стола выступили Российское общество историков-архивистов (РОИА), РГГУ и научный проект «Народ и власть».

В дискуссии участвовали *(сведения об участниках приведены по состоянию на время проведения круглого стола, участники перечислены в алфавитном порядке):*

1. Герой Российской Федерации, летчик-космонавт Российской Федерации, кандидат физико-математических наук, заместитель начальника отделения – начальник отдела Центра системного проектирования Центрального научно-исследовательского института машиностроения (Государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос») **Сергей Васильевич Авдеев** (Москва);

2. кандидат исторических наук, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права и философии Всероссийского государственного университета юстиции **Михаил Борисович Аверин** (Москва);

3. доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры политико-правовых дисциплин и социальных коммуникаций Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ **Владимир Валентинович Бабашкин** (Москва);

4. доктор философских наук, профессор, начальник кафедры социологии и политологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя **Виталий Юрьевич Бельский** (Москва);

5. доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН **Владимир Прохорович Булдаков** (Москва);

6. доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН **Вадим Александрович Дёмин** (Москва);

7. ответственный секретарь Фонда конституционных реформ **Андрей Дмитриевич Жилкин** (Москва);

8. доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя **Андрей Львович Золкин** (Москва);

9. доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного права Высшей школы экономики, вице-президент Фонда прикладных политических исследований «ИНДЕМ» **Михаил Александрович Краснов** (Москва);

10. доктор исторических наук, доцент, первый заместитель председателя Правления Центрального совета РОИА, декан факультета документоведения и технотронных архивов Историко-архивного института РГГУ **Григорий Николаевич Ланской** (Москва);

11. кандидат философских наук, генеральный директор Института ЕАЭС **Владимир Анатольевич Лепехин** (Москва);

12. кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры философии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя; автор/соавтор и редактор научного проекта «Народ и власть» **Павел Петрович Марченя** (Москва);

13. доктор философских наук, профессор, ординарный профессор департамента политических наук факультета социальных наук Высшей школы экономики **Андрей Николаевич Медушевский** (Москва);

14. кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН **Валерий Борисович Перхавко** (Москва);

15. автор/соавтор и координатор научного проекта «Народ и власть» **Сергей Юрьевич Разин** (Москва);

16. доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН **Виктор Леонидович Шейнис** (Москва);

17. доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор Учебно-научного центра «Новая Россия. История постсоветской России» Историко-архивного института РГГУ **Александр Владленович Шубин** (Москва).

Предлагаем вашему вниманию (в качестве препринта) запись дискуссии, состоявшейся в ходе круглого стола «Российский конституционализм: теоретические проекты и исторические реалии».

Журнальную версию материалов Стола предполагается опубликовать по частям в нескольких номерах международного научного журнала «Социально-гуманитарное обозрение» (“Social-Humanitarian Review”).

Г.Н. Ланской. Добрый день, уважаемые коллеги! Очень приятно вас видеть в Историко-архивном институте Российского государственного гуманитарного университета, где мы проводим сегодня межведомственный круглый стол под названием «Российский конституционализм: теоретические проекты и исторические реалии».

Мы решили посвятить этот круглый стол двум датам: первая дата – это, соответственно, 25-летие принятия действующей в настоящее время Конституции Российской Федерации, а вторая дата – это 100-летие первой нашей Конституции, Конституции РСФСР, которая была принята после

создания Советского государства. Ну и отчасти символично, что сегодня 14 декабря – день, когда одна из частей декабристской оппозиции как раз выступила под флагом принятия Конституции. Это было, как известно, «Северное общество». Поэтому 14 декабря – это тоже дата такая достаточно символическая.

Задача нашего сегодняшнего круглого стола, его идея заключается в том, чтобы рассмотреть, насколько в действующей Конституции и в тех конституционных проектах, которые принимались ранее, сочетались традиционные черты, которые характерны для российской государственности, те, что связаны с определенным автократизмом, – и черты модерна, которые связаны с идеями либерально-демократических свобод. Вот это первый вопрос. Поэтому понятия традиции и модерна рассматриваются именно так, что традиции ассоциируются с автократией, с достаточно жесткой социальной стратификацией, а то, что касается модерна – то это ассоциируется с демократическими свободами, с конституционализмом.

Вторая проблема – это проблема, которая связана с тем, насколько в российском конституционализме и парламентаризме, который был в чем-то источником конституционализма, а в чем-то был его инструментом, сочетались самобытные российские традиции, интересы российской политической элиты и общества, и в чем-то заимствованные элементы. И здесь, конечно, более широкие проблемы также ставятся, которые связаны с отношением России и Запада, то есть то, что существует и существовало еще задолго до появления конституционализма.

Третий момент, который мы сегодня предлагаем обсудить, – это момент, который связан с элементами самодержавных тенденций в развитии политической жизни в нашей стране. Здесь важно обсудить институт главы государства в нашей стране и посмотреть, как он проявляется в свете конституционализма. Это важно, потому что, исходя

из этого, существуют серьезные дискуссии, достаточно основательные, какая у нас сегодня республика – президентская или парламентская (она вряд ли, конечно, парламентская), но вот как это все проявляется...

В этом плане, конечно, мы, может быть, обсудим момент, связанный с двумя проектами, которые на самом деле были. Первый проект был опубликован в мае 1993 г. Потом были известные трансформации, которые связаны с событиями второй половины сентября – начала октября 1993 г., и мы увидели совершенно другой проект Конституции. Многие из присутствующих были участниками этого процесса, и наверняка здесь им есть что в этом плане сказать.

Следующий сюжет связан с тем, как конституционализм в России был подвержен явлениям Смуты, стихийных выступлений (а, может быть, и не стихийных, а во многих случаях организованных) и, соответственно, какова была роль этих социальных волнений в принятии конституционных проектов. Здесь, конечно, можно рассмотреть и совсем ближние сюжеты, которые были связаны с политическим кризисом 21 сентября – 3 октября 1993 г., можно и более широкий захватить дискурс, и с этой точки зрения рассмотреть эти вопросы.

Ну и, наконец, речь идет о развитии конституционного проекта как преемственного продукта общественно-политической жизни на протяжении трех эпох: эпохи самодержавия, советской эпохи и эпохи постсоветской. И здесь эта вот преемственность, ее воздействие на теорию и практику конституционализма, как со стороны правящего класса, так и со стороны оппозиции – это сюжет бескрайний, с точки зрения его обсуждения, потому что можно рассматривать его едва ли не со времен Александра I, со времен обсуждения и принятия Конституции Царства Польского и дальше 200 лет в этом плане прошло. Здесь тоже есть о чем поговорить...

Вот, собственно говоря, такое понимание мы вкладывали в эту проблематику. Разумеется, здесь мы можем и более широкий контекст захватить. Я думаю, что наше обсуждение этих вопросов в рамках сегодняшнего круглого стола будет интересным и плодотворным.

С.Ю. Разин. Добрый день, уважаемые коллеги! Мы рады приветствовать вас на круглом столе. Рады приветствовать и тех, кто является постоянными участниками наших мероприятий, и тех, кто пришел к нам впервые. Мы рады и тому, что здесь представлены люди разных поколений.

Тема круглого стола, на мой взгляд, включает в себя два больших пласта: теоретический и конкретно-исторический.

Если говорить о теоретическом пласте темы, то надо сказать о том, что она является частью широкой историософской и политико-правовой проблематики, включающей в себя вопросы, связанные с определением типа российского общества (в какой мере оно остается традиционным, крестьянским обществом, в какой мере оно является модернизированным, урбанизированным обществом), роли права и массового правосознания в развитии России, значения феномена правового дуализма в отечественной истории и возможности или невозможности построения так называемого «правового государства» и «гражданского общества» в нашей стране.

Если говорить о конкретно-историческом аспекте темы Стола, то он включает в себя анализ конституций в контексте отечественной истории и поиск ответов на вопросы о том, почему они были приняты, и каково было их реальное историческое значение.

П.П. Марченя. Уважаемые коллеги, я тоже, традиционно уже, рад приветствовать и тех, кто не первый раз на мероприятиях нашего проекта, и тех, кто впервые... Очень хорошо, что появляются новые лица – и что «старые» не пропадают. И что за «столами» собираются компетентные

ученые разных убеждений, с разными теоретическими и практическими позициями, – и есть о чем поспорить.

Этот круглый стол у нашего проекта уже семнадцатый по счету – и первый раз Стол мы делаем совсем без всякого международного участия. В нем принимают участие только свои, отечественные... Это, наверное, и хорошо, потому что проблема, которую мы обсуждаем, – это, действительно, наша внутренняя проблема. Я не буду об этом долго говорить, но, если Григорий Николаевич [Ланской] не обидится, то приоткрою немного «кухню». Сначала мы хотели назвать этот стол «Российский конституционализм: мифы и реалии», но у руководства возникли сомнения насчет употребления слова «мифы». Вроде бы как в нашей сегодняшней России конституционализм уже нельзя рассматривать как «миф», а только как «реалию». Поэтому подзаголовок названия Стола «Российский конституционализм...» был несколько преобразован – не «...мифы и реалии», а «...теоретические проекты и исторические реалии»...

Но, действительно, не ради провокации, а просто как наша боль и подлинная, не надуманная проблема (в том числе научная проблема)... Я думаю, что все присутствующие согласятся (хоть здесь действительно собрались сегодня люди очень разных взглядов), что никогда в отечественной истории, в истории взаимодействия власти и общества в России, Конституция не была главным актором политической и правовой жизни, никогда власть и общество не ориентировались, в первую очередь, именно на конституционализм, на парламентаризм. В общем-то, из этого и вытекает проблематика круглого стола, которой мы просим придерживаться.

С.Ю. Разин. Я хочу еще несколько дополнить то, что говорил Григорий Николаевич [Ланской] по поводу юбилеев.

У нас как-то стесняются говорить о советском конституционализме. Например, никто не вспомнил о том, что в 2016 г. было 80-летие Конституции СССР 1936 г. Если продолжать этот юбилейный ряд, то, конечно, нельзя не упомянуть 100-летие Великой российской революции, без которой, на мой взгляд, появление Конституции было бы невозможным. В этом году мы отмечаем и еще один юбилей – 40-летие Конституции РСФСР 1978 г. В свою очередь, в следующем, 2019 г. исполнится 95 лет с момента принятия Конституции СССР 1924 г.

Я хочу сказать, что в соответствие с предварительной договоренностью, дискуссию должен был открывать еще один из авторов современной российской Конституции – это тогдашний народный депутат РСФСР, член Верховного Совета РСФСР, ответственный секретарь Конституционной комиссии Олег Германович Румянцев, который сегодня является президентом Фонда конституционных реформ. Но, к сожалению, он приболел и не смог принять очное участие в нашем круглом столе. Здесь присутствует его помощник – ответственный секретарь Фонда конституционных реформ А.Д. Жилкин. Ему предоставляется слово.

А.Д. Жилкин. Конечно, сама по себе дискуссия, которая ведется по поводу конституционализма и традиции и перспектив его развития, очень важна. Сам Олег Германович [Румянцев] старается выступать на разных площадках, для того чтобы представить свое видение этого процесса, и для того чтобы слышать разные мнения, которые высказываются представителями разных политических сил. У него в ноябре этого года вышло третье издание его книги «Конституция 1993 года. История явления». Я привез два экземпляра книги, которые хочу передать в дар библиотеке и руководству РГГУ.

Здесь автор излагает свое видение как непосредственный участник процесса создания Конституции от самого начала, от создания Конституционной комиссии на I Съезде народных депутатов РСФСР

в 1990 г. и вплоть до окончания этого процесса и принятия Конституции в декабре 1993 г. Поскольку он является участником этих событий, то он отражает все их этапы. Есть, понятно, как у любого автора, свой субъективный взгляд, но, тем не менее, это попытка дать оценку разностороннюю, с учетом разных мнений, и одновременно остаться беспристрастным.

Так что эти книги я передаю в дар РГГУ...

В.Л. Шейнис. Я рад буду высказать некоторые соображения. Прошу прощения за то, что я не собираюсь строго придерживаться данного плана дискуссии, но, так или иначе, в моем выступлении будут затронуты, главным образом, дискуссионные вопросы, связанные с появлением нашей Конституции, и отношение между Конституцией и политико-правовой реальностью сегодняшнего дня.

Здесь уже несколько человек в своих выступлениях упомянули юбилей. Я думаю, что если бы не юбилейная дата, если бы не сравнительно круглый или полукруглый юбилей, то мы едва ли бы собрались обсуждать проблемы нашей Конституции.

Юбилеи бывают разные: бывают юбилеи торжественные, бывают юбилеи рабочие (наиболее, на мой взгляд, плодотворно реализуемые в ходе дискуссий и обсуждений), бывают юбилеи ритуальные и, наконец, бывают юбилеи не очень внятные.

С моей точки зрения, мы отмечаем юбилей по-разному. Все официальные лица, наши политические лидеры отмечают данный юбилей как ритуальный. У них много других дел, у них связка с Конституцией может быть протянута от любого вопроса, но ритуальный юбилей – юбилей, который отмечается как большая дата, отмечается вежливым, почтительным поклоном, и затем у людей, занятых политической работой, возникает необходимость перейти к текущим делам.

На мой взгляд, общество, академическая среда, в частности участники создания Конституции, в значительной мере, должны будут признать, что это сравнительно невнятный юбилей, потому что непонятно, сколько и чего тут от праздника, сколько и чего тут от тех проблем, которые стоят сегодня перед нашим обществом.

Вообще, наша Конституция – документ исключительно сложный и противоречивый, создававшийся на гребне политического подъема, в который втянулись разные силы, и эту Конституцию участники процесса видели по-разному. Я позволю себе напомнить... Собирается I Съезд народных депутатов России, собирается, прежде всего, продолжатель союзного Съезда, который привлек всеобщее внимание, и среди прочих дел каким-то «энным» пунктом повестки дня обозначается создание Конституции. Если надо создавать Конституцию, то должны быть люди, которые этим будут заниматься. То есть, иными словами, нужна Конституционная комиссия.

Но на Съезде только что отгремели бои за главный пост – пост Председателя Верховного Совета, который, номинально, должен в основном представлять собой роль спикера – организатора дискуссии, а фактически к этому посту люди относятся как к президентскому посту, хотя Президентом никто еще не называет данное лицо. Идет ожесточенная схватка. В результате трех туров голосования с перевесом в четыре голоса избирается кандидат, за которого выступали, в том числе, и российские демократы.

Сегодня значительная часть участников дискуссии утверждают, что Конституцию России писали российские демократы, «Демократическая Россия», которая создавала ее по образцам западных стран. Я должен сторонников этой точки зрения огорчить. Во-первых, действительно, в создании Конституции приняли участие российские демократы, но, во всяком случае, в конце, на текст Конституции решающее влияние

оказывали иные силы. Кроме того, Конституция была поставлена на всенародное обсуждение... Вопрос о том, будет принята или не будет принята та Конституция, которая была предложена общественному вниманию, оставался до последнего момента открытым.

Я думаю, что вообще конституции лучше создавать в спокойное время. Обычно долгожителями являются конституции, которые принимаются при сравнительно спокойном, неконфликтном политическом процессе. С нашей Конституцией, как вы знаете, не так. Всенародному голосованию 12 декабря предшествовали, слава Богу, затушенные, угли гражданской войны. Иначе говоря, с этим текстом Конституции были согласны далеко не все участники политического процесса.

Надо сказать, что Конституционная комиссия, которую избрал I Съезд народных депутатов России, была абсолютно не приспособлена к тому, чтобы создавать сложный юридический документ. Хотя бы по своей численности – 101 человек. Я не знаю случая, когда бы сто человек принимали более или менее активное участие в создании такого ответственного и сложного текста. Но дело не только в численности. Дело в том, что Съезд к этому моменту был уже глубоко расколот. Это сказалось в голосовании за пост Председателя, это сказалось в формировании Конституционной комиссии. В нее вошли представители разных политических течений.

Практически, вопрос был каким-то образом отрегулирован. Борис Николаевич [Ельцин], как председатель по статусу Конституционной комиссии, предложил создать рабочую группу, которая непосредственно занималась работой над текстом. Рабочая группа была создана в основном из депутатов определенного политического уклона. Но, надо сказать, что первые противоречия (это важно, для того чтобы понять основной узел противоречий, который и сегодня отличает конституционный текст) появились сразу... Уже в рабочих группах наметились два подхода.

И, кстати сказать, это было отражено в первом проекте Конституции в виде двух разных вариантов – вариант «А» и вариант «Б». Вариант «А» назывался «Президент – глава исполнительной власти», а вариант «Б» назывался «Правительство, формируемое парламентом». То есть вот то противоречие, которое нет-нет да и всплывает сегодня (хотя люди при власти стараются затушить это противоречие), сказалось уже в самом начале. Я должен признать, что, к сожалению, вариант «Б» был с самого начала отвергнут и дальнейшая работа шла только вокруг варианта «А».

Я не буду долго задерживаться на этом, хочу только остановиться на следующем: когда Конституция была сверстана, напечатана и предъявлена избирателям, проблема заключалась в том, что она собой представляет. Тогда споры вокруг Конституции велись гораздо более живые и острые, чем сегодня. Сегодня они притушены.

Но реальность заключалась в том: будет ли это компромиссным документом? Конституция, принятая в декабре 1993 г., компромиссным документом не является. Ее называли «Конституцией победителей». Была ли она конституцией победителей? Ну, в известной мере, это так. Потому что Ельцин и те силы, которые тогда шли за ним, в общем, были сторонниками утверждения Конституции. Но конкретное человеческое и, можно так сказать, юридическое наполнение того актора, который может считаться победителем, существенно менялось – и оно изменилось от 1993 г. к концу 1990-х гг.

Победитель был другой. Власть, которая была сконцентрирована в руках Президента и которой Борис Николаевич пользовался сравнительно осторожно... Ельцин, в общем, был человеком своего времени, своего слоя, своего класса, но, тем не менее, был воспитан в ходе политической борьбы, и для него существовали запреты – некоторые запреты, которые не существуют для тех людей, что унаследовали президентскую власть. Поэтому при одной и той же Конституции мы

имели режим Бориса Ельцина, мы имели режим его преемника. Причем этот режим менялся от начала к сегодняшнему дню.

В те времена считалось, что мы переходим от коммунистического режима, достаточно авторитарного или, может быть, точнее сказать, от разлагающегося тоталитаризма не к демократии, а к другой форме авторитаризма. Что собой представляет этот авторитаризм, насколько он устойчив, насколько он отвечает интересам общественного развития? Это еще один дискуссионный вопрос.

Я должен сказать, что на вопрос о том, какова же наша Конституция... Я вижу в ней два континуума, два разных пласта. Один континуум – это первая и вторая главы Конституции. Создателям Конституции не должно быть стыдно по поводу этих глав. Они могли бы украсить конституционный строй любого современного государства. Строго говоря, и там можно было бы внести некоторые поправки, но надо быть по отношению к этим главам осторожным. Это основы конституционного строя, это права и свободы человека и гражданина, которые сформулированы на уровне представлений того времени, и сохраняют значение сегодня.

К сожалению, эти положения и сегодня носят достаточно декларативный характер, и реалии нашего конституционного текста – это главы, начиная с третьей, как раз и фиксируют вертикаль власти, которая нигде не названа в Конституции, которая промелькнула в ходе общественных дискуссий, – и которая находится в кричащем противоречии с разделением властей, тоже сформулированным в нашей Конституции.

В реальности мы имеем не просто исполнительную власть, а президентскую власть. Ее часто называют «сверхпрезидентской», но я бы лучше сказал, что это «недопарламентская» конституция, потому что парламент имеет чрезвычайно ограниченные возможности оказывать

влияние на жизнь страны, и это «недосудебная» конституция, потому что мы не имеем суда как независимого института. Последний пример – «дело Пономарева». Оно всем известно. Вот это реалии нашей Конституции.

Ну и последний вопрос, который я поставлю следующим образом: что делать с Конституцией? Есть точка зрения, что Конституцию надо переписать, дать новую Конституцию. Есть другая, более приближенная к реальности, точка зрения, с которой недавно выступил председатель Конституционного Суда, опубликовавший статью «Дух и буква Конституции», в которой он говорит, что Конституцию в целом трогать не надо, а надо ограничиться отдельными поправками. Какими поправками – это отдельный вопрос, на котором я не буду останавливаться. Я только скажу, что, с моей точки зрения, при данных политических условиях Конституцию лучше не трогать. Мы сейчас имеем в высшей степени несовершенный текст, но если заняться реформой Конституции, то мы откроем ящик Пандоры, из которого сразу выпрыгнут разного рода предложения, которые в корне исказят нашу Конституцию. Поэтому очень хорошо, что нет Закона о Конституционном собрании, которое только и может провести полную ревизию Конституции.

А что же нужно? Я думаю, что нельзя начинать с середины. Мы воспользовались юбилеем для дискуссии о Конституции. Это право тех, кто подошел к вопросу таким образом. Но вопрос нельзя начинать решать с середины. Конституция не является детерминантой реальной жизни. Наша реальная жизнь определяется политическим режимом, политическим строем. Для того чтобы подготовить условия, при которых можно будет принять демократическую конституцию, то есть провести реальную ревизию с третьей по восьмую глав Конституции, необходимо провести политическую реформу. Но это еще один спорный, дискуссионный и очень интересный вопрос.

В.Б. Перхавко. Я только что ознакомился с третьим изданием книги ответственного секретаря Конституционной комиссии Олега Румянцева, а до этого не раз брал в руки работы Сергея Шахрая. У нас получается, что Конституция 1993 г. создавалась как бы на пустом месте – с чистого листа. Но мы, как историки, знаем, что российский конституционализм зародился задолго до 1993 г. и до бурных революционных событий 1917 г. В период Второй русской смуты активно работала юридическая комиссия. Был практически подготовлен проект Конституции для утверждения Учредительным собранием. Вот члены вашей Комиссии использовали какие-нибудь наработки своих предшественников 1917 г. или нет?

С.Ю. Разин. Я добавлю, что в свое время Ю.С. Пивоваров говорил о том, что Конституция 1993 г. как будто написана по проектам М.М. Сперанского...

В.Л. Шейнис. Нет, это неточно. Я с величайшим уважением отношусь к Юрию Сергеевичу [Пивоварову], к его постановкам. Мне довелось, в том числе и печатно, обсуждать его последнюю книгу, которая представляет собой значительный документ.

Но я думаю, что это не совсем так. У Конституционной комиссии была очень мощная экспертная группа. Руководителем экспертной группы был уже упомянутый здесь В.Д. Зорькин. Целый ряд других светил тогдашней юридической науки участвовали в подготовке проекта.

Естественно, что мы знакомились с теми наработками, о которых вы говорите. Но основным источником были конституции тех государств, которые существовали в мире. Часто мне приходилось слышать высказывания такого рода, что она списана с американской конституции. Это неправда. Достаточно положить рядом два текста для того, чтобы убедиться, что между ними очень мало общего. Хотя американская конституция, написанная двести лет тому назад, естественно, кажется не вполне современной.

Мы изучили индийскую конституцию, мы изучили европейские конституции – и вот то, как решается вопрос в современных конституциях, был, если хотите, своего рода канвой, вокруг которой шла дискуссия. Но главным образом дискуссионные вопросы касались не того, каким образом решали вопрос индийские, или американские, или французские юристы, а как нам соотнести власть Президента и власть парламента, федерализм и необходимость сохранения единства страны. То есть стояли ключевые вопросы нашей тогдашней реальности.

В.А. Дёмин. Я являюсь специалистом по истории России начала XX в. и, в меньшей степени, истории общественной мысли в Российской империи. Поэтому сосредоточусь на соответствующих сюжетах.

И сразу начну с основного тезиса: при ответе на вопросы. Виктор Леонидович [Шейнис] четко показал, что при разработке современной Конституции исторический опыт России не рассматривался, а рассматривался зарубежный опыт и его применение к российским условиям. Вот абсолютно также обстояло дело и с российским конституционализмом XVIII – начала XX вв.

Историю российского конституционализма начинают с 1730 г., когда, как известно, был разработан целый ряд проектов ограничения правительственной власти в пользу дворянско-бюрократического общества. В последующем, в XVIII в., был составлен еще ряд проектов (не в форме конкретного текста, а в плане обоснования необходимости преобразований). Наиболее радикальным был проект профессора Московского университета С.Е. Десницкого, который вообще проектировал формально совещательный парламент, а фактически – ультрапарламентаризм. Предполагалось передать непосредственно парламенту контроль над администрацией и правосудием и сделать его председателя фактическим главой исполнительной власти, на основании докладов которого император и должен был принимать решение. Были

различные другие идеи в XVIII в. (кн. М.М. Щербатова и пр.). Были идеи графа Н.И. Панина... У них у всех наблюдается такая закономерность: все разработчики этих идей либо длительное время жили за границей, либо активно изучали западный опыт.

Показательно, что в работах конституционных идеологов XVIII – первой четверти XIX вв. нет ни одной ссылки на Земские соборы и нет рассуждений о них. Казалось бы, если речь идет о середине XVIII в., прошло не так много времени с момента окончания созыва Земских соборов, но, тем не менее, соответствующий опыт уже забыт и полностью отброшен. Первые ссылки на Земские соборы появляются только у славянофилов, но это течение в российском конституционализме является, если называть вещи своими именами, маргинальным.

В то же время очень сильно прослеживается влияние западных идей. В частности, «Кондиции» и другие проекты 1730 г. составлялись главным образом на материалах различных шведских конституций. С.Е. Десницкий, перед тем как составить ультрапарламентарный проект для России, около десяти лет изучал науки в университете Глазго. Если брать XIX в., то в проекте М.М. Сперанского прослеживается явное влияние законов французской Первой империи. Проект Н.Н. Новосильцева тоже составлен по образцу различных зарубежных конституций первой четверти XIX в. Декабристские проекты представляют собой компиляции различных зарубежных проектов. Про идеи западников все понятно. Основные государственные законы Российской империи 1906 г. тоже явно написаны на материалах зарубежных монархических конституций: германской, австрийской и, главным образом, японской. Разумеется, все эти авторы, с разной степенью успешности, предлагали адаптировать зарубежный опыт к условиям России.

Были, правда, еще во времена Александра II проекты П.А. Валуева, великого князя Константина Николаевича и М.Т. Лорис-Меликова,

которые основывались не на западном опыте, а на правительственном строе Российской империи. Но там учитывались главным образом не состояние общества и его традиции, а именно правительственный строй и текущий политический момент.

Также прослеживается еще одна очень интересная закономерность: идеи конституционализма в российском обществе получали распространение тогда, когда элита и/или образованное общество были не довольны существующим правительством или/и порядком. А когда элита и общество были довольны правительством и строем, то эти идеи тут же отступали, так или иначе, на второй план. Также эти идеи получали распространение именно в те эпохи, когда правительство было не уверено в своей политике, когда оно пыталось разработать какие-то реформы, – и вот тогда же различные представители общества желали воздействовать на эти реформы и для этого отстаивали идеи создания народного представительства.

Очень ярко это прослеживается уже с самого начала на событиях 1730 г. Как известно, некоторые стороны реформ Петра Великого не устраивали дворян. И поэтому, когда Верховный тайный совет предложил поиграть в конституционное прожекторство, дворяне активно включились в игру. Но потом, когда они поняли, что свои сословные требования удобнее выполнить через самодержавную императрицу, то прежние конституционалисты тут же подписали петиции о незыблемости самодержавия. И после этого верно служили самодержавной монархии. Политика Елизаветы и Екатерины в общем-то всех устраивала, и поэтому идеи конституционализма не выдвигались. Потом имело место царствование Павла I, которое показало, что монархия может с дворянами не считаться. Затем началась разработка реформ и идеи конституционализма стали распространяться и в бюрократических кругах, и в обществе.

Потом «твердое» царствование Николая I – и никто или почти никто никакими конституциями не занимался. Когда же начались «Великие реформы» – все захотели принять участие в их разработке и тут же начался подъем популярности идей конституционализма. Как известно, результаты «Великих реформ» оказались в высокой степени противоречивыми и в полной мере никого не устроили. Поэтому уже с конца царствования Александра II, с рубежа 1870–1880-х гг., в российском общественном мнении требование создания представительства становится почти всеобщим. Против выступала только часть консерваторов. Потом, в начале XX в., когда положение в стране совсем перестало по разным причинам устраивать практически всех, то идее перехода к конституции альтернативы не стало.

Но при этом очень интересное наблюдение можно сделать на основе последующих событий: при царе все, так или иначе, – за парламент, за увеличение его полномочий (до русских националистов, то есть до левой части консерваторов включительно), а потом, 1917 г., царя нет – и, как выяснилось, идеи парламентской конституции большой популярности не имеют. На словах они поддерживались лишь кадетами, которые, однако, на деле добивались отсрочки созыва Учредительного собрания и к тому же обладали весьма малой популярностью (на выборах в Собрание они, как известно, получили около 5% голосов). В то же время большевики выступают за Советскую власть. Ее анализ – это специальный вопрос, и поэтому лишь отмечу, что, например, участвующий в нашей дискуссии А.Н. Медушевский определял советский конституционализм как конституционализм номинальный, то есть чисто формальный, к реальному конституционализму отношения не имеющий. И вот большевики выступали за такой конституционализм... Ну а, правые социалисты пытались соединить Советы с парламентаризмом.

Получается, что общественное мнение использовало идеи конституционализма, идеи парламентской конституции, для того чтобы воздействовать на правительство, или для того чтобы отобрать власть у неугодного правительства. Когда же, соответственно, эта задача была решена, то конституция оказалась ненужной.

Таким образом, либеральные идеи и ценности свободы, контроля народа над властью и тому подобные, на которых основывается конституционализм, в России никогда не имели серьезной поддержки и использовались только ситуативно, как средство политической борьбы.

Современный российский конституционализм этим закономерностям в общем тоже соответствует. Когда нужно было вырвать власть у коммунистов, то все тут же стали сторонниками конституции, разделения властей, сильного парламента, сильного президента и т.д. Когда в 1990-е гг. исполнительная власть была не популярна, то идея разделения властей сохраняла поддержку. Когда же в 2000-е гг. глава государства стал весьма популярен, то тут же оказалось, что эти самые конституционные идеи разделения властей, по большому счету, никому не нужны.

П.П. Марченя. Как историк историка... Вы частично ответили уже на те вопросы, которые я собирался вам задать. Но я все же хотел бы, чтобы — прямо «под запись» — прозвучали конкретные ответы на три конкретных вопроса.

Первый вопрос: был ли такой период в нашей истории, когда конституционализм играл важную и конструктивную роль, или это был в большей степени фактор Смуты и показатель того, что власть слаба и совсем «не та», которой она должна быть для масс?

Второй вопрос, аналогичный: был ли такой период в российской истории, когда парламент был в ней — и для нее — действительно конструктивным фактором?

И третий вопрос: а все-таки, сколько же самобытного и сколько заимного в российском конституционализме?

В.А. Дёмин. Отвечаю по пунктам.

Я думаю, что конституционализм играл конструктивную роль в начале XX в., когда, по моему мнению и по мнению большинства историков, занимающихся этими сюжетами, Россия перешла от абсолютной монархии к начальной стадии конституционной монархии. То есть новая государственная система была основана именно на конституционных идеях. Естественно, они были взяты достаточно ограниченно и далеко не в полной мере, в связи с тем, что имелось в виду осуществить плавный переход от старого строя к новому.

Когда играл парламент конструктивную роль – второй вопрос. Думаю, что в период с 1907 г. (с издания Положения о выборах 3 июня) и до начала Первой мировой войны (а в большей степени до 1912 г., первые две сессии IV Думы – это был переходный период) Государственная дума, несомненно, играла конструктивную роль и в общем добивалась постепенного обновления страны. В частности, в этот период были во много раз увеличены расходы на начальное образование (и, соответственно, стало быстрыми темпами внедряться всеобщее начальное образование). Земское самоуправление, которое с 1860–1870-х гг. не распространялось, было введено в этот период сразу в 9 губерниях. Было 34 губернии – стало еще 9 губерний. Также в это время было введено условно досрочное освобождение и введен еще целый ряд частных, но существенных преобразований.

Про советский парламент я ничего в этом плане сказать не могу, потому что он был чисто декоративным органом. Ну а про парламент 1990-х гг. и 2000-х гг. рассуждать не буду из-за недостаточной компетентности.

Что касается третьего вопроса, то я уже говорил, что, в принципе, идеи конституционализма были фактически на 100% заимствованы из-за

рубежа, но их с той или иной степенью успешности пытались адаптировать к российским реалиям.

С.Ю. Разин. А с какой степенью успешности?

В.А. Дёмин. Тут кратко не ответишь – надо разбирать каждый конституционный проект. Думаю, что в начале XX в. идеи монархического конституционализма были адаптированы достаточно успешно, и их неудача была вызвана не ими самими, а очень тяжелым положением в стране и ошибками власти в текущей политике.

П.П. Марченя. Вадим Александрович, вот получается, что и конституционализм, и парламентаризм с парламентом сыграли конструктивную роль только в начале XX в. Но вот правда потом это кончилось целым рядом социальных катаклизмов, и традиционная российская государственность была уничтожена. Это как-то связано, или это случайно?

В.А. Дёмин. Разумеется, связано. Но вообще вопрос о причинах краха Российской империи – это отдельный вопрос, который в две минуты не раскроешь.

В принципе, если брать только участие Государственной думы в этом процессе, то оно было двоякое. С одной стороны, до Первой мировой войны наличие и деятельность Думы укрепляли существующий строй. Перед 1905 г. правительством оказались недовольны практически все, в том числе помещное дворянство, практически вся интеллигенция и крупный бизнес. Издание Основных законов 1906 г. и Положения о выборах 1907 г. позволили обеспечить сотрудничество правительства и помещного дворянства и отчасти верхушки интеллигенции. В результате, как известно, революция была подавлена, и несколько лет перед Первой мировой войной Россия развивалась довольно успешно. Но в ходе войны, когда Дума потребовала создания «правительства народного доверия», имея в виду под народом, прежде всего, саму себя, а государь не согласился, то этот союз

правительства с высшими классами оказался разорван – и Дума стала играть деструктивную роль. И сыграла важную роль в свержении монархии.

М.Б. Аверин. Я бы хотел выступить в продолжение сказанного здесь Вадимом Александровичем [Дёминым].

Отвечая на первый вопрос: *«Конституционализм в контексте столкновения Традиции и Модерна»*... Чтобы здесь хотелось сказать? Ну, очень трудно говорить о том, какие у нас традиции были... Модерн – это либерализм, парламентаризм, ограничение власти монарха с помощью парламента и т.д. Если говорить о традициях, древней нашей истории, то у нас были вечевые традиции, так называемые феодальные съезды. Потом как-то они перетекают в Земские соборы, и вроде какое-то ограничение существовало власти монарха, а, с другой стороны, деятельность Соборов способствовала усилению царской власти.

Другой момент – Судебник 1550 г., статья 98. Вроде как, все новые законы надо «приписывать» теперь к Судебнику, ну а принимать их должен государь вместе с боярами. Интересный вопрос... Некоторые историки трактуют это как попытку ограничения власти монарха. Дальше Василий Шуйский, королевич Владислав – опять попытки ограничить власть монарха. Если бы у нас были британские традиции, то мы бы, наверное, праздновали бы какие-то даты и придали бы соответствующим актам значение «Великой Хартии вольностей». При определенной фантазии это можно сделать – и сделать из этого большую «демократическую», «конституционную» традицию и т.д.

Но потом, действительно, как уважаемый Вадим Александрович [Дёмин] сказал сегодня, все это, увы, было забыто, и если вспоминалось, то только учеными в конце XIX – начале XX вв. И мы приходим к 1905–1906 гг. Советские ученые писали, что у нас возникает думская монархия... Наверное, с точки зрения юриспруденции, надо было назвать ее дуалистической монархией, то есть одной из форм ограниченной

монархии, которая является переходной от неограниченной монархии к парламентарной.

Конституция (Основные государственные законы в редакции 23 апреля 1906 г.) у нас была принята в неcodифицированном виде. Конституция была гибкой. Ее легко было изменять. Ну, там тонкости были небольшие... Только по инициативе Государя можно было отменить или изменить Конституционные (Основные) законы. Но в целом она гибкая была. Это хорошо для конституции переходного периода.

На счет того, насколько Конституция кого-то сдерживала или как смотрело на нее правительство... Если говорить о Совете министров Российской империи времен П.А. Столыпина, то Столыпин был политиком парламентского типа. Он активно работал с Думой, а значит, конституционные нормы работали.

Второй момент... Если говорить о законах, которые принимались в порядке статьи 45 по «Основным законам...» в редакции 23 апреля 1906 г. (она 87-й стала, когда ее внесли в «Свод законов Российской империи») – да, такие указы принимались, статья активно использовалась. Но потом правительство на заседании Совета министров очень подробно обсуждало, что из списка подобных указов будет внесено в Думу, а что не будет, что пройдет, а что не пройдет, и может это там пройти или нет. В общем-то, они, конечно, обращали внимание на конституционные нормы и на политическую ситуацию в Думе и Государственном совете. Это было просто необходимо для поступательного процесса законотворчества.

Другой момент... Вот Третьеиюньский государственный переворот, принимается новый избирательный закон (он, конечно, «Основной» – его надо изменять совместно с парламентом, а указом нельзя отменять). Но Особого журнала соответствующего заседания Совета министров с детальным описанием хода обсуждения вопроса нет. Правительство явно

опасалось нарушать конституционные нормы. Поэтому Основные законы имели определенную сдерживающую силу для власти.

Что касается *«самобытности» и «заемности» в российском конституционализме и парламентаризме...* Конечно, мы шли проторенным путем. Изобретать велосипед глупо и поэтому легче было взять у кого-то уже готовое. Ну, мы и заимствовали, после творческой переработки. Но хочу сказать, что до революции сохранялись отдельные государственно-правовые традиции, русский юридический язык. Писали не «бюджет», а «государственная роспись доходов и расходов», не «инициатива», а «законодательный почин» и т.д. Юриспруденция, конституционный строй, конституционный порядок – это, прежде всего, здравый консерватизм.

«Царь и Конституция в зеркале массового сознания»... Конституционные изменения не устраивали широкие политические круги. Думу «говорильней» называли, как вы знаете. Доля правды в этом, конечно, есть. Но, с другой стороны, все-таки до революции правительство с ней работало и хотело с ней работать.

Что касается советского периода, то сами сессии Верховного совета СССР коротенькие: утверждают Указы, которые принял до этого Президиум Верховного совета СССР, отчитаются в газетах и кинохронике. Реального парламентаризма, конечно, здесь быть не могло.

Сейчас тоже, в общем-то, парламент находится в похожей ситуации, власть, основные политические силы и значительная часть населения проявляют к нему удивительное равнодушие, не стремятся изменить ситуацию. Но такое положение чревато самыми непредсказуемыми последствиями.

«Смуты и революции как фактор истории отечественного конституционализма»... В советский период отказ от традиции, конечно, с одной стороны первоначально произошел, а с другой стороны,

сталинская Конституция 1936 г. – это ведь возвращение, отчасти, к прежним традициям и к иностранному конституционному опыту. И произошло это при И.В. Сталине. Постепенно восстанавливались многие вещи. Потом мы даже наркоматы в министерства переименовали и т.д. и т.п.

Если говорить о Конституции 1918 г., то она действительно была революционной. Читаешь – и не понимаешь, для чего ее писали, если смотреть на содержание с государственно-правовой точки зрения.

В.Ю. Бельский. Как для чего? Для легитимации новой политической системы в России и утверждения пролетарского государства. По-моему, это совершенно естественно, что создатели нового общественно-политического строя начали его утверждение с Конституции – то есть с формирования правовой и понятийной основы этого строя. Ну и в дальнейшем Конституция стала основным инструментом пропаганды новой идеологии.

М.Б. Аверин. Для пропаганды, да.

С.Ю. Разин. А «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа» для чего писалась?

М.Б. Аверин. Включение уже принятой Декларации в текст Конституции было компромиссом.

С.Ю. Разин. «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа» была частью Конституции. А «Декларация прав народов России», которая тоже была частью Конституции, для чего писалась?

М.Б. Аверин. Тогда еще была реальная демократия внутрипартийная, многопартийность, в Конституционной комиссии были споры. «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа» была уже принята, закрепляла принципы организации нового общества и власти в самом общем виде. Решить конкретные вопросы нового общественно-государственного устройства было значительно сложнее, но при создании нового Основного закона, как вы понимаете, желательно. Однако на тот

момент это была, пожалуй, почти невыполнимая задача. Оттуда и гениальный ленинский ход: включить текст Декларации в качестве раздела Конституции.

Дальше... Что касается вопроса *«Отечественные конституции и конкретно-исторические политико-правовые реалии»*... Наверное, конституции наши соответствовали этим политико-правовым реалиям.

И, наконец, *Самодержавие*... Не буду говорить о прошлом, а скажу только о современном государственном строе. На мой взгляд, как историка права и юриста, нынешняя форма правления в России по конституции и с точки зрения фактических отношений, – это смешанная республика. Из смешанных – это президентско-парламентская республика (причем усиленная модель в сторону президентской). Фактически же она эволюционирует в суперпрезидентскую республику, о которой уже было сказано.

В.Ю. Бельский. Я считаю, что Конституцию – особенно на этапе формирования ее концепции – и должны обсуждать не юристы. Или не только юристы. Почему? Потому, что, все-таки, это основной документ, по которому живет вся страна, и когда юристы за всех определяют закономерности развития всего общества – это не совсем неправильно.

И как философ считаю, что надо различать юриспруденцию и право. Право – это все-таки философская категория. Она отражает логику развития истории, логику развития общества, логику развития основных социальных институтов. И от того, какие закономерности мы определим приоритетными и предпочтем в законодательных актах, в том числе и в Конституции, и зависит, как будет развиваться общество. С этой точки зрения, все конституции отражают те исторические задачи, которые ставят перед собой те или иные люди, которые приходят к власти.

Я с недавних пор цитирую Ф. Кастро, который очень хорошо показал содержание и логику современного мира. Отталкиваясь от его логики,

я всегда напоминаю своим студентам, что за 80 тысяч лет развития общества как социальной структуры, человечество к 1800 г. достигло 1 млрд человек. Оно развивалось очень медленно и постепенно. В течение миллиона лет мы с вами производили каменные топоры и не двигались дальше. Потом – по мере совершенствования средств производства – неоднократно происходил переход человечества в новое качество. А более или менее бурно развиваться мы начали к 1800 г., в результате чего население планеты достигло миллиарда человек.

К 1930 г. те идеи, которые были наработаны и определяли систему общественных отношений, приходят в сильнейшее противоречие с дальнейшим развитием человечества. В 1930 г. – население планеты 2 млрд. То есть, за 80 тыс. лет – 1 млрд человек и за 130 лет – 1 млрд человек. Изменилась полностью не только форма, но и содержание развития человечества.

В 1960 г. население планеты составило уже 3 млрд. Должны меняться социальные, политические и правовые институты? Конечно. Потому что меняются задачи социального развития. Меняются способы воспроизводства и производства самого человека.

В 1975 г. – нас уже 4 млрд. А затем уже каждые десять лет добавляется по миллиарду. Каждое утро нужно население планеты обути, напоить, накормить. А значит – способ производства, который определяет жизнедеятельность общества, должен соответствовать тем потребностям, которые были сформированы в период жизни предшествующих поколений. Таким образом, каждое новое политическое поколение формулирует новые цели и задачи и, следовательно, закрепляет их в базовых концептуальных документах государства, к которым относится, в первую очередь, конституция страны и иные основные законы.

С этой точки зрения (я это часто повторяю), нет плохих или хороших законов, нет плохих или хороших форм правления, а есть законы и формы

адекватные или, напротив, не адекватные тем требованиям и закономерностям, которые стоят перед обществом в данный конкретный момент времени. И если мы форму правления выбираем не адекватную задачам... Вот, возьмем Конституцию 1936 г. в период после Великой Отечественной войны. Цели и задачи государства после 1945 г. изменились, так что к этому времени назрела конституционная реформа: она нужна была для того, чтобы расширить свободы и права граждан, ведь победители фашизма явно заслуживали этого.

До войны существовали реальные угрозы Советской республике, новой социалистической системе. Именно по этой причине советская политическая система мутировала от демократического централизма к авторитаризму (в 1920-е гг.), а затем и, как считают некоторые, к тоталитаризму. Плохая или хорошая была Конституция 1936 г., но она позволила сконцентрировать все усилия государства на жизненно важных для страны направлениях. Но вот война заканчивается – и ничего в политической системе СССР не меняется. Существовавшая на тот момент форма принятия решения была удобна для бюрократии, но нужно было развивать дальше общественные отношения. Историческая логика развития советского общества предполагала переход от экстенсивного типа развития к интенсивному – к качественному росту. Однако же законодательная база страны, будучи консервативной сущностью, сама по себе измениться не могла. Перемены требовали соответствующего политического решения, которого, увы, не было. С этой точки зрения, Конституция, которая была принята в 1936 г., пришла в противоречие с теми новыми задачами, которые встали перед Советским Союзом после победы над фашизмом.

В 1970-е гг. в соревновании со странами капитализма СССР оказался в целом более эффективным государством, но по мере наращивания Советским Союзом и США ядерного потенциала все острее вставал

вопрос: что делать с Соединенными Штатами Америки – воевать или находить возможности для сотрудничества. Советское руководство сделало выбор в пользу второго и фактически взяло на вооружение концепцию «конвергенции двух систем», но не учло, что США и не собирались рассматривать конвергенцию с социалистическим государством как перспективу.

Именно в этот период А.Н. Косыгин и некоторые его соратники заговорили о том, чтобы поменять конституционные основания советского строя. Они считали, что новое качество экономики требовало определенных демократических реформ, переход на интенсивный путь развития требовал изменения базовых юридических актов. К сожалению, в партии возобладала точка зрения (и с ней был солидарен Л.И. Брежнев), согласно которой ничего менять не нужно, что «у нас все под контролем», и тот способ управления, который существует, довольно эффективен.

С.Ю. Разин. И, тем не менее, именно при Брежневе принимается Конституция СССР 1977 г.

В.Ю. Бельский. Да. Но она уже, на мой взгляд, опоздала. Когда уже пошли трещины в политической системе страны, партийное руководство попыталось с этим что-то сделать, но было уже поздно: в партии к этому времени уже не было модернизационных сил.

В итоге, когда начались конституционные реформы в современной России, вместо того, чтобы проанализировать, какие задачи стоят перед новой Россией и в геополитическом, и во внутреннем плане, мы просто стали пытаться копировать зарубежный опыт. Я согласен с коллегами, которые говорили, что нужно было все-таки исходить из внутренних потребностей, а не из того, что дало эффект в других странах.

В этом плане Конституция сегодня... Мы, когда обсуждали, то правильно коллеги говорили, что Конституция 1918 г. оказалась более эффективной исторически, с точки зрения развития той ситуации,

в которой оказалась Россия того времени, нежели современная Конституция. Современная Конституция, к сожалению, за 25 лет показала, что мы ограничений на развитие ввели больше, чем даже Конституция 1918 г.

Здесь проявляются два аспекта, которые являются дискуссионными. Первый аспект – это, все-таки, отношение общества и государства к собственности. Конституция должна четко определять, какие формы собственности являются определяющими для развития общества. И второе – это идеология... Мы ввели фактически запрет на идеологию, которая у нас была, но не дали возможности развиваться идеологии, которая была бы адекватной стоящим перед российским обществом задачам. С этой точки зрения, отрицание необходимости официальной идеологии – это тоже идеология. Когда мы говорим, что, например, сотрудники полиции должны быть вне идеологии – это тоже идеологическая позиция. Так давайте ее закрепим.

В этом плане сегодня и В.Д. Зорькин, и С.М. Шахрай правильно предлагают, что нужно разобраться: какие задачи сейчас стоят перед обществом, что у нас реализовалось, а что – нет, – и попытаться создать механизм реализации тех перспективных задач, которые стоят перед нами. Зорькин с Президентом России встречался, и Президент уже, по-моему, осознает, что та Конституция, которая сегодня существует, требует определенного переосмысления. Так, если мы живем уже в эпоху «информационного общества», то этот факт должен быть отражен и в Конституции страны. Иначе мы действительно отстанем от мировых трендов, и нам нечем будет ответить на новые угрозы.

С.Ю. Разин. Вопрос о том нужно менять Конституцию или не нужно – это вопрос, на мой взгляд, вторичный. Первичный вопрос состоит в том, что, прежде чем менять или не менять Конституцию, общество должно понять, откуда и куда оно идет. А это уже выбор

определенной идеологии, определенной стратегии развития. Современная российская власть всячески уклоняется от этого выбора.

В.Ю. Бельский. Нужно встать на плечи предков своих исторических, а мы все пытаемся на сторону смотреть: там опыт хороший, там опыт хороший...

В.А. Лепехин. Коллеги, позвольте высказать несколько суждений в продолжение того, о чем говорил только что Виталий Юрьевич [Бельский]. С моей точки зрения, он высказал один очень верный тезис – по поводу того, что любая Конституция – это не просто важнейший государственный документ, легитимирующий установки власти, но еще и инструмент, посредством которого власть и правящий класс могут и призваны формировать новые установки и обеспечивать развитие общества.

Для начала выскажу весьма непопулярную сегодня точку зрения относительно того, что такое российская Конституция 1993 г.

Напомню, что день принятия этой Конституции стал лично для меня особенным днем: в этот день я был избран депутатом Государственной думы 1 созыва. И избран я был от партии власти – вот только не от «Демократического выбора России», который тогда, с моей точки зрения, ошибочно считался партией власти, а от ПРЕС – Партии российского единства и согласия, негласным лидером которой был Виктор Черномырдин, а формальным лидером – Сергей Шахрай, один из основных авторов новой российской Конституции. Так вот, по договоренности с Шахраем я был утвержден заместителем Председателя комитета по делам общественных объединений и религиозных организаций, в обязанности которого входило кураторство политического законодательства. Проще говоря, в развитие положений только что принятой Конституции нам предстояло подготовить и принять федеральные законы о политических партиях, о выборах, об общественных

организациях, о профсоюзах, о религиозных организациях, о массовых политических акциях и пр.

О работе над избирательным законодательством я сейчас говорить не буду. Тут тон задавала фракция партии «Яблоко»; этим, в частности, активно занимался присутствующий здесь коллега В.Л. Шейнис (а я лишь входил в рабочие группы и продвигал в них точку зрения правительства). Остановлюсь лишь на нескольких законах, автором или соавтором которых я являюсь.

Мы работали в связке с Георгием Саттаровым, который был в то время помощником президента России, и за короткий срок, фактически за год, нам удалось подготовить и провести через Думу целый ряд законопроектов, обеспечивших становление и функционирование в стране новой политической системы. Это оказалось возможным именно в силу того, что такую возможность предоставила нам новая Конституция. Она оказалась если не идеальной, то оптимальной платформой для того, чтобы запустить в России новую и вполне современную политическую систему – и сегодня, я считаю, она по-прежнему позволяет это делать, несмотря на нарастающую критику в адрес авторов Конституции и мнение, что она якобы устарела.

Осмелюсь утверждать, что не Конституция 1993 г. устарела, а нынешняя политическая практика пришла в несоответствие с заявленными в Конституции положениями. То, что буквально 2–3 статьи действующего Основного закона нуждаются в корректировке или даже отмене (например, о приоритете международного законодательства), не означает, что Конституция устарела. В силу ее, я бы сказал, сверхдемократичности, ничто не мешает, к примеру, власти проводить – при желании – ту или иную идеологическую линию и развивать политическую систему. Развивать эту систему мешает не Конституция, а нынешняя узкокорпоративная политическая практика правящего класса,

порождающая своими действиями рост в стране протестных настроений и девиантного поведения молодежи.

Я уверен, что в нынешней ситуации любые попытки действующей в современной России проолигархической бюрократии внести правки в Конституцию закончатся ее серьезным ухудшением: еще большим огосударствлением политической системы, дальнейшей ее олигархизацией, усилением административных методов принятия решений и прочими пороками – против которых сегодня восстает российское общество.

Напомню, что если в первой Думе были приняты практически все значимые политические законы, то во второй Думе они были остановлены усилившейся бюрократией. А в третьей Думе законодательство пошло вспять – законы о выборах, о партиях, об общественных объединениях и другие по представлению Минюста стали наполняться нормами, усиливающими вовсе не значение национальных интересов и государства как такового, но исключительно административно-командных методов управления политическими процессами.

В этом смысле Виталий Юрьевич [Бельский] абсолютно прав, когда говорит, что политическая система страны должна непрерывно развиваться, отвечая на запросы населения и времени. Но, коллеги, давайте не будем трогать действующую Конституцию. «Единая Россия» проигрывает выборы не из-за несовершенства Конституции, а из-за собственной неспособности к политическому развитию. И существует опасность, что в стремлении приспособить под свои предвыборные и иные задачу Основной закон страны, партия власти может добиться обратного эффекта: окончательно дискредитировать действующую Конституцию и обрушить авторитет власти до нуля.

Полагаю, что сегодня основное внимание правоведов, философов и политических экспертов должно быть сосредоточено на другом – как

очистить существующие политические законы от излишних административных форм, как научить власть конкурировать со своими оппонентами не административными, а политическими и идеологическими мерами. Сегодня важно существенно обновить избирательное законодательство, запустить в обсуждение проект федерального закона «О правовых гарантиях оппозиционной деятельности в РФ», дабы «окультурить» улицу, и вообще – начать формирование четвертой (гражданской) ветви власти. Вот под такие задачи и есть смысл вносить поправки в Конституцию, а не под идеи каких-то отдельных чиновников усилить полномочия, к примеру, абсолютно не популярного и почти недееспособного, с точки зрения народного большинства, российского парламента.

В.Ю. Бельский. А нельзя двигаться параллельно: обсуждая поправки в Конституцию, одновременно обсуждать и политическую практику?

В.А. Лепехин. Можно, почему нет. В идеале. Если и власть, и общество смогут обозначить новую и интересную всем повестку дня. А пока власть не предлагает ничего, кроме принятия новых административных норм в интересах бюрократии, патриотическая оппозиция требует отмены в Конституции статьи 13, касающейся идеологии (не договорившись внутри себя, какая у РФ должна быть идеология), а либеральная оппозиция требует минимизации полномочий Президента. В такой ситуации, повторяю, трогать действующую Конституцию нельзя, в противном случае мы получим оксюморон.

Золкин А.Л. Готов согласиться с позицией В.Ю. Бельского в том, что проблема конституционализма есть прежде всего философская проблема, выходящая за пределы комплекса вопросов юридической науки. Философские проблемы возникают не только там, где есть столкновение идей, но там, где иллюзии борются с реальностью.

Конституционализм идет рука об руку со смутами, революциями и мятежами во многом благодаря когнитивным диссонансам, смысловым противоречиям, герменевтическим провалам и интерпретационным диверсиям, которые обществом воспринимаются весьма болезненно и становятся стимулами и катализаторами социальных потрясений.

Конституция есть компромисс между правовым реализмом, этическим идеализмом и юридическим формализмом. Если почитать учебники конституционного права зарубежных стран, то увидим, что их конституции очень похожи друг на друга. Они все говорят о суверенных демократических государствах, хотя большинство современных сообществ, формально-юридически считающихся государствами, реального суверенитета не имеют, политическая демократия выражена слабо, хотя местное самоуправление может находиться на высоком уровне, да и в целом они государствами не являются. А сколько крови было пролито в борьбе за суверенитет этих сообществ, которые могут существовать в лучшем случае лишь как лимитрофы?

В реальном мире суверенных государств всего несколько, да и политическая демократия не является способом обеспечения суверенитета. В США, Индии, России, Китае определенный уровень политической демократии присутствует, но его отношение к обеспечению суверенитета не является абсолютным. Демократия и суверенитет часто соотносятся друг с другом как лотерея и экономика.

Дефициту реализма в идейном развитии конституционализма помимо юридического формализма способствует и этический идеализм, который неизбежен, поскольку Конституция во многом есть декларация о принципах правильной жизни, а не просто легитимация существующего положения.

Отсюда стремление использовать Конституцию как орудие реформирования общества на основе моральных принципов. Эти

принципы остаются абстрактными и тоже способствуют подготовке смут. Вообще, вся идеология эпохи Просвещения есть восстание против логики истории. Легко провозгласить всех равными, хотя общество строится на иерархии, оно создает эту иерархию явочным порядком, прорастает сквозь декларации. Но общество, соблазненное равенством, видит в этом смертный грех.

Но нужна ли вообще Конституция? Одним из источников Конституции является социальное право как право интеграции. Конкретное общество интегрируется в государство в силу баланса прав и обязанностей. Каждое исторически возникшее государство имеет различное социальное право в силу цивилизационных особенностей (то есть *Вызова и Ответа*).

Так случилось, что российская цивилизация сформировалась в свое время как «тягловое государство» в силу исторического вызова, а иначе оно бы вообще не состоялось. Польша, стремясь оставаться феодальной республикой, пришла к разделу, а Россия – к смутам, порожденным недовольством жесткими условиями социального права и абстрактными надеждами реализовать в российских условиях польский, голландский, британский, американский или иные проекты государственности.

Сегодня многие граждане живут еще советским мобилизационным прошлым, но Конституция построена по американскому типу системы «сдержек и противовесов», а на повестке дня – формирование правовых оснований создания панрегиона экономического развития. Это формирование отбросит старые аксиомы и выдвинет новые.

Проблема, на мой взгляд, коренится в современном прагматичном понимании социального права, отвечающем на вопрос: а зачем, собственно, мы объединились в государство? Какие преимущества мы от этого получили? Какие возможности приобрели? Чем за это платим?.. Проблема общественного выбора становится центральной. При этом,

происходит не только «внесение поправок», но и смена «правовых картин мира». Вчера государство не должно было вмешиваться в экономику, сегодня само государство превращается в корпорацию. Если в традиционном мире государство должно было защищать землю от военного вторжения, то сегодня одной земли для обеспечения жизни уже недостаточно, требуется экономика.

Конституция, таким образом, не просто раскрывает формально-юридическую архитектуру государственности и правопорядка, но проясняет смысл общественного договора.

В.В. Бабашкин. Начну с известного исторического анекдота. Когда-то учителя истории любили баловать учеников этим анекдотом-быльё — должно быть, и до сих пор любят. Когда, мол, следователи по делу декабристов опрашивали рядовых участников беспорядков, которых декабристы подбадривали эффектным лозунгом: «За Константина и Конституцию», что же это за Конституция такая, то представители простонародья отвечали: «Так это, надо полагать, жена Константина. А кто еще?». В учебном курсе советской поры тем самым можно было акцентировать такую незамысловатую историософию: вот, дескать, каков был уровень правосознания трудящихся масс, но менее чем через сто лет рабочие и крестьяне получают из рук большевиков самую передовую и демократическую в мире Конституцию. В нынешних учебниках в моде другие напевы: в январе 1918 г. граждане демократической России едва не получили от Учредительного собрания *настоящую* Конституцию, однако большевики все испортили, и таковой пришлось ожидать аж до декабря 1993 г.

Чем хорош приведенный анекдот? Он, как и любой хороший политический анекдот, дает возможность, в отличие от занудных пропедевтических текстов, представить выпукло и четко какие-то очень важные исторические моменты. Без преувеличения скажу, что для 95–97%

населения великой страны на протяжении XIX – начала XX вв. слово «Конституция» и стоящие за ним какие-то иллюзии и упования не имели особого значения. При этом образованное сословие носилось с Конституцией, «как дурак с писаной торбой». У М.Е. Салтыкова-Щедрина здорово показано вот это постоянное желание представителей данного сословия: «не то конституции, не то севрюжины с хреном...». На что уповали тогдашние либералы? Можно, подражая тому же Салтыкову-Щедрину, сформулировать это так: вот ужо примем Конституцию – и сразу Россия станет очень похожа на Запад (как у великого сатирика лирический герой «Дневника провинциала в Петербурге» мечтал: «Вот ужо съезжу в Питер – и все в моем хозяйстве наладится»).

Мне представляется, что авторы нашей Конституции, 25-летие которой мы сегодня празднуем, исходили из этой приблизительно иллюзии. «Конституция победителей», как сказал сейчас В.Л. Шейнис: победили – конституируем – и все у нас получится. Пять лет назад, когда готовились отмечать 20-летие этого исторического события, помню, смотрел «Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым». Там отдувался за все С.М. Шахрай, причастный к составлению текста ныне действующей Конституции. Сперва он явно волновался, думаю, опасался, как поведет себя такой участник шоу, как В.В. Жириновский. Однако Жириновский был как-то необычно для него доброжелателен, и Шахрай взбодрился было. Тут представитель не слишком любимой мною партии «Яблоко» С.С. Митрохин рассказал отличный анекдот, который, по-моему, не хуже анекдота про Константина и Конституцию: *Что общего между англичанами и русскими? – Те и другие живут по неписаной конституции, только у русских зачем-то еще и писаная есть...* При этом Митрохин как представитель современного либерализма, наверное, имел в виду, что у русских есть писаная конституция, она хорошая, она демократическая,

она вобрала опыт США – столпов современной демократии, но потомки крепостных рабов толком не умеют этим пользоваться. Хотел бы ошибиться, но скорее всего так и есть.

И вот здесь основной пафос своего выступления я хотел бы обратить на знаменитые 242 крестьянских наказа с мест как основу той российской Конституции («Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа»), столетие которой мы, по идее, должны были бы отмечать в январе этого года. Эти потрясающие крестьянские документы зиждились на обычном праве, на обычно-правовых представлениях крестьян о том, кто, зачем и на каких основах должен владеть, пользоваться и распоряжаться землей. Другие вопросы конституционное законодательство России, как мне представляется, если и должно регламентировать, то уже во вторую очередь.

Ленин привел к власти большевистское правительство через декрет «О земле» – по-другому и быть не могло. Этот Декрет – пожалуй, самый потрясающий в истории человечества пример сочетания обычно-правовых установлений в области поземельных отношений с законодательной инициативой конституционного характера, с которой выступила верховная власть огромного государства. III съезд Советов конкретизировал, детализировал этот ленинский декрет, утвердив «Основной закон о социализации земли», дух и букву которого включала принятая тем же съездом «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Политические успехи большевиков в конце 1917 – начале 1918 гг. прочно опирались на обычно-правовую традицию в главном вопросе внутренней политики. Не на формально-правовые новации, не на представления образованного сословия о том, что вот уж возьмем американские образцы и все у нас получится, а именно на то, что львиная доля населения страны убежденно считала правильным и справедливым.

Советская Конституция 1924 г. опять же вобрала в себя естественным порядком Земельный Кодекс РСФСР декабря 1922 г., к которому большевистское правительство пришло через пробы и ошибки Гражданской войны, и который, по сути, возвращал советское земельное законодательство к началу 1918 г. Регламент не позволяет мне сейчас говорить что-либо вразумительное в этом плане о Конституции, которая вошла в нашу историю как «сталинско-бухаринская». Это тянет на отдельный доклад или даже на острую полемику о сущности установившегося в предвоенное время в СССР колхозного строя. Поэтому сразу перейду к Конституции нынешней и зачитаю статью 9 этого судьбоносного документа: «Земля и другие природные ресурсы могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности». Это что?! С тем же успехом можно написать, что земля в этой стране может находиться в какой угодно форме собственности! Земля – это святое, метафизическое понятие для большинства соотечественников и по сей день. По крайней мере, хотелось бы в это верить. Это впитано нами на уровне архетипов, на уровне социальной психологии, менталитета. Я, живя, последние 15 лет в родной деревне, вижу, как бывшие колхозные поля обрастают такими заборами, что прежним лендлордам и не снилось. «Конституция победителей» в действии...

Уверен, что наше земельное законодательство должно под собой иметь какую-то другую конституционную норму. Но даже и эта статья Конституции, которую я сейчас зачитал, довольно здорово сейчас исследуется экспертами, специалистами на предмет законодательного регулирования. У нас вот, например, в РАНХиГС при Президенте РФ есть Институт прикладных экономических исследований, а в нем – Центр агропродовольственной политики, который возглавляет Наталья Ивановна Шагайда. Она – автор ряда глубоких исследований, посвященных

проблемам оборота сельскохозяйственных земель и трансформации на практике соответствующих институтов и структур. Там формулируются довольно конкретные рекомендации в области дальнейшего развития землепользования в нашей стране. Одна из ее недавних публикаций так и называется – «Земля для людей».

Да, вот, кстати говоря, у той же Н.И. Шагайда я вычитал любопытнейшую вещь (сперва я это услышал в одном ее выступлении на организованном Центром семинаре, а потом попросил указать источник, и мне в этом Центре дали ее монографию под названием «Оборот сельскохозяйственных земель: трансформации институтов и практик»). Оказывается, не во всех регионах громадной России, в которой, казалось бы, так много земли, сельскохозяйственные земли можно через коррупционные схемы спокойно переводить в другую категорию. В таких республиках, как Дагестан, Чечня, Ингушетия, Северная Осетия, Кабардино-Балкария, Саха-Якутия – от идеи приватизации земли принципиально отказались, несмотря на то, что это прямо допускается федеральной конституцией. В этих регионах приватизация земли никогда не проводилась. Думаю, что данный опыт должен приниматься во внимание в процессе дальнейшего развития общероссийского конституционно-правового регулирования.

С.Ю. Разин. То есть, писаное законодательство должно идти вслед за обычным правом и за духом народа.

В.В. Бабашкин. Именно так. В современной аграрной историографии тема обычного права явно недооценивается, что очень похоже на ситуацию в специальной литературе начала прошлого века: ну какое обычное право, когда у нас такое разветвленное писаное законодательство? Один из героев фильма «Неоконченная пьеса для механического пианино» в блестящем исполнении Олега Табакова сказал, как отрезал: «Чумазый не может играть!». Справедливости ради отмечу,

что есть сегодня очень глубокие исследования по проблематике обычного права, содержание которых должно учитываться в современной законотворческой практике.

В 2000 г. на ежегодном симпозиуме обществоведов «Куда идет Россия?..», который до сих пор проводится в нашей Академии, я делал об этом доклад под названием «О некоторых закономерностях эволюции власти в посткрестьянском обществе». Там я обосновывал как раз такую мысль: если законодатель хочет, чтобы писанные законы работали, а не спускались на тормозах в духе скрытного пассивного сопротивления, свойственного гражданскому населению такого общества, он обязан брать это во внимание.

А.Д. Жилкин. На Кавказе традиционно люди предпочитают не столько многоквартирное жилье, сколько частное домовладение. Как это сочетается с упомянутым сейчас запретом на частную собственность на землю?

В.В. Бабашкин. Здесь нельзя путать две вещи: рынок земли и оборот земель сельскохозяйственного назначения. Первый предполагает практически неограниченную частную собственность на землю, предполагающую неограниченные же возможности в области купли-продажи земли. На Кавказе же не была проведена приватизация земель бывших колхозов и совхозов. Эти земли были закреплены за сельскохозяйственными организациями, которым они переданы государством в постоянное бессрочное пользование и не могут быть переданы от этих организаций еще кому-то в пользование. Оборот земли там жестко ограничен клановыми традициями, и рынка земли в принципе, быть не может. Потому что денег – огромное количество, но купить большие земельные угодья – это нарушить, осквернить традицию, продать мать родную. А купля-продажа жилья с прилегающим участком, который

установился в предшествующий исторический период как «личное подсобное хозяйство» – это другое дело.

В.Л. Шейнис. Мне очень импонирует то, что вы сейчас сказали. Вы знаете, вокруг чего шел спор, когда писали Конституцию? Допустима или не допустима частная собственность на землю. Те люди, которым предстояло решить, как записать, исходили из глубоко идеологизированных представлений. Частная собственность на землю: даем мы ей ход или не даем? Вот тот уровень обсуждения, который был на Съезде.

В.В. Бабашкин. Я совершенно согласен, что это чрезвычайно идеологизированный вопрос. Сколько я живу, столько слышу этот вот штамп: «частная собственность на землю» и связанные с этим большие надежды на ускорение аграрного развития. Вот, мол, куда хорошо бы запустить «волосатую руку рынка» – в деревню, в колхоз.

В Китае сегодня нет частной собственности на землю. Она там категорически запрещена. Но рынок земли в том или ином виде существует, землеоборот существует. Этот исторический опыт достоин самого пристального внимания с нашей стороны. Я уверен, что земельный вопрос является главным не только в прошлом, но и в будущем РФ. В КНР сейчас, конечно, тоже идет политическая борьба. Известные силы пытаются дожать ситуацию до реальной купли-продажи сельскохозяйственной крестьянской земли. Но при властной монополии КПК, руководство которой имеет достаточно ясные теоретические установки на сей счет, противостоять этому не столь затруднительно, как было у нас в начале 1990-х гг.

В.Л. Шейнис. Конечно. Для одних это был символ нового строя, нового общества, лакмусовая бумажка, а для других – это враг, который отравляет нашу жизнь.

В.П. Булдаков. Сегодня Виктор Леонидович [Шейнис] начал с вопроса, а что за юбилей мы сегодня празднуем. Скорее всего, это ритуальный юбилей, формальная коммеморация. А по сути дела, для всех нас, для общества, это даже не юбилей – это скорее (будем откровенны) панихида по российскому парламентаризму. Причем это уже не первая панихида, не первого провалившегося парламентаризма. И надежды, и поминки уже были. Все это мы уже проходили. Всякий раз оказывались у одного и того же разбитого корыта, и всякий раз недоумевали: как такое могло случиться.

Что в связи с этим хотелось бы заметить? Первый пункт нашей дискуссии сформулирован так: «Конституционализм в контексте столкновения Традиции и Модерна». Я думаю, что эта формулировка вполне не корректна. Беда нашего конституционализма в том, что он лежит в области симулякров, а не социально-политической прагматики. Весь наш конституционализм (парламентаризм, демократия) и соответствующие дискуссии заиклены на интересах «общественности». Не общества в целом, а именно «общественности». Иногда ее еще называют (у нас много псевдонимов) «политическим классом». Мы непременно затеваем игры с химерами собственного воображения и, похоже, можем ограничиваться этой интеллектуальной забавой до бесконечности.

Что касается естественного, нормального конституционализма, то он, на мой взгляд, должен опираться (о чем уже говорилось) на известного рода традиции. Весь исторический опыт развития конституционных идей в этом убеждает.

Ну, допустим, возьмем англо-саксонское право, которое в конституции как таковой (писаной, многостраничной) не нуждается вообще. Здесь все идет от традиции, от обычного права, которое постепенно превратилось в право прецедентное, и из этого постепенно

получилась западная демократия. То есть идея права и закона укоренилась настолько, что она сидит в головах на уровне политического инстинкта, который не нуждается ни в каких особых конституционных «напоминаниях», ни, тем более, в идейных декларациях. Зачем «подбадривать» механизм, который и без того работает?

Нам, к сожалению, о демократии, о конституционализме приходится говорить, говорить до бесконечности. Это часть тех самых «потемкинских деревень», которые воздвигаются у нас вокруг всего, в том числе и вокруг конституционализма. Имеем мы Конституцию – значит хорошо живем. Только не имеем мы реально действующей конституции. Точнее – текст Конституции у нас есть, но не имеет она отношения к реальной демократии. Мы не по конституции живем. Об этом уже говорилось сегодня.

В общем, «потемкинские деревни», или, по-ученому, псевдоморфозы, окружают нас со всех сторон. Конечно, это явление не только наше, «исконное». Надо признать, надо исходить из того, что мы, и не мы одни, представляем собой традиционное общество, которое находится в стадии разложения. Некоторые традиционные общества к этому «привыкли», а потому существуют более успешно. Ну, допустим, Япония. Это традиционное общество. Хотя и там своя конституция имеется.

В 1992 г. я впервые побывал в Японии. Естественно, я заинтересовался, как у них обстоит дело с конституцией и с демократией. Ну, взяли мы с двумя профессорами-японцами такси и поехали в центр города. Посмотрели на Императорский дворец – скромно, не похоже на наши дворцы. Подъехали к парламенту – здание западного типа (стилистику позаимствовали), а тут таксист (пожилой японец) весело говорит: «А вот здесь наши дураки сидят».

В.Ю. Бельский. Кто?

В.П. Булдаков. Дураки. Дураки сидят. А, профессора, надо отметить, подхихикнули довольные. Поехали дальше. Доезжаем до штаб-квартиры Либерально-демократической партии. Водитель говорит: «А вот здесь главные дураки сидят».

Какая мораль вытекает из этого? Существует некая псевдоконституционная конструкция, когда, однако, не мешает людям жить. И люди ее терпят, как такое декоративное украшение, без которого вполне можно прожить. Вот есть у нас император – и хорошо. Им это нужно, это – сакральное, то есть сущностное. А парламент, конечно, всякой сакральности лишен (отсюда и приведенные высказывания), но его можно вытерпеть за безобидностью.

А что у нас? Ну, у нас, знаете ли, было (и есть) с точностью до наоборот.

«Царь и Конституция в зеркале массового сознания»... – как такое могло (может) быть? Если есть Царь и традиция, то зачем Конституция? Вот именно так традиционное сознание подходит к проблеме конституционализма. Можно привести и показательный российский пример. Так, собирается I Государственная дума, названная «Думой народного гнева», съезжается масса крестьян, убежденных, что вот сейчас Царю будет все сказано, и все проблемы тут же будут решены.

Еще более показательная ситуация... С 1907 по 1914 гг., в общем-то, ситуация в стране устаканилась. Дума (кадетско-октябристская), в общем-то, действовала в рамках закона, занималась, как тогда называли иронично, «вермишельным законодательством», то есть ей подсовывали мелкие проблемы, высшая власть оставляла себе серьезные вопросы, занималась своими делами. Знакомая ситуация?

И чем это закончилось? К октябрю 1916 г. все были убеждены в том, что Дума вот-вот поднимает восстание против царя. Ничего подобного, конечно, не было. Однако создалось впечатление, что Дума реально

противостоит Самодержавию. Вот такой вот парадокс. Законы вроде бы действовали, законотворческий процесс продолжался, но все это оказалось впустую. Вместо реального, действенного парламентаризма имели его имитацию.

Мне кажется, что дело не только в том, что в нас глубоко сидит традиционализм – не только в этом. Наше общество слишком эмоционально подходит к законотворческим процессам, требуя «самого совершенного» закона, способного мигом решить все проблемы сразу. В общем старые, как мир, представления о власти, как «магической» величине, оказались перенесены на законодательную власть. А хороший закон, как показывает общественная практика во всем мире, – это растение, которое нужно выращивать долго, долго, У нас так не получается.

Последнее, о чем хотелось бы сказать. Нужно ли менять Конституцию? Да нет – это совершенно бесполезно. Нужно ли пытаться что-то в Конституции изменить? Безусловно, да. Но самое главное, как мне кажется, в конце концов, всякая реально действующая конституция – это конституция народа, которая выросла «снизу». Во всяком случае, простой человек должен постоянно ощущать, что у него есть *его* конституция, которая именно его непосредственно защищает. Это первая часть смысла конституции. А вторая часть (об этом тоже уже говорили) – это модернизационный аспект. То есть простой человек должен ощущать (помимо того, что он защищен), что он может ставить нужные и важные для него цели, добиваться проведения их в жизнь через парламент, и пребывать в уверенности, что этот процесс тоже гарантирован законом.

Имеем ли мы сейчас это? Нет, конечно. Скорее, имеем нечто прямо противоположное. Власть чего захочет, того и добьется, а наша Дума способна только поддакивать ей. Вот такая ситуация. Как выйти из нее, я, конечно, не знаю, да и никто не знает. Но думаю, что всем ясно, что эта

ситуация совершенно ненормальна, и она чревата тем, что мы уже имели сто лет назад. В этом сомневаться не приходится.

С.В. Авдеев. Позвольте, я тут дополню. Ситуация в России действительно ненормальная. Но все, как известно, относительно – относительно тех целей, которые ставят перед собой различные социальные группы. Для правящего класса все, что сегодня происходит в нашей стране, не только нормально, но и необходимо. Я бы даже сказал, безальтернативно. А для народного большинства – да, это ненормально. С другой стороны, в условиях, как выразился Президент России, тектонических сдвигов, вообще непонятно, что считать нормой.

Сегодня есть такое понятие, как “KPI” (*Key Performance Indicators* – «ключевые показатели эффективности». – *Прим. ред.*), и мне, как технарю, такой подход абсолютно понятен. Можно ли вывести какой-то KPI эффективности для Конституции? Я думаю, что можно – если мы, конечно, для начала договоримся о целях проводимой в стране внутренней политики. В этом смысле мне не очень нравятся подробные экскурсы в историю российских конституций и конституционализма вообще. Это тема для домашних работ, а не для круглых столов. Что же касается круглых столов, в том числе и этого нашего с вами стола, то обсуждать на них нужно программы действий.

Владимир Лепехин предложил интересную схему, высказав тезис о необходимости обсуждать сегодня всем миром стратегию политической реформы, и вот после того, как будет ясна эта стратегия, можно будет говорить о том, нужна ли стране конституционная реформа. И еще неизвестно, кстати, то ли действующая Конституция страны устарела, то ли власть и общество не дозрели до положений Конституции.

Как опять же представитель естественных наук, я задаю себе вопрос: что мешает сегодня развитию страны: Конституция или что-то другое? Мне лично Конституция никак не мешает, а вот конкретные законы, а еще

больше ведомственные инструкции и действия бюрократии мешают и даже очень. Да, Конституция не устанавливает возраст выхода людей на пенсию, но так называемая «пенсионная реформа» стала возможной в России вовсе не поэтому. Конституция не подразумевает разгул коррупции и воровства в верхних эшелонах власти, которые мы наблюдаем каждый день. Значит, как говорил профессор Преображенский, все проблемы – в головах наших чиновников, политиков и граждан, которые не хотят соблюдать положения Основного закона. Но с чего начинать наведение порядка в голове у наших граждан – вот в чем вопрос? Тем более, что в стране нет ни одного интеллектуального центра, который бы занимался концептуальным обеспечением политической реформы.

В.Ю. Бельский. Есть Институт ЕАЭС, есть ряд политических клубов: Зиновьевский клуб, к примеру, Рузский клуб...

В.С. Авдеев. Я имею в виду государственные структуры. Правительство создало и финансирует, к примеру, Российский институт стратегических исследований, но он, как известно, ударился в какую-то белогвардейщину и монархизм. Но, может быть, конституционная монархия – это не совсем то, что России сегодня нужно?

В.Б. Перхавко. Я хотел бы остановиться на четвертом пункте нашей дискуссии. Период Второй русской смуты начала XX в. – это ведь не только революционные потрясения, разрушение традиций, неисчислимые жертвы гражданской войны, но и период самого активного конституционного законотворчества, которое велось на протяжении пяти лет на пространствах бывшей Российской империи (с 1917 по 1922 г.).

При этом уровень правового, конституционного сознания населения, как верно подчеркивали Владимир Прохорович [Булдаков] и Владимир Валентинович [Бабашкин], был крайне низким, и, в общем-то, в начале XX в. не очень-то отличался от 1825 г. Я вот внимательно просмотрел все фотографии, плакаты 1917 г., и ни на одной демонстрации я не увидел

плакаты: «Да здравствует демократическая конституция!», «Даешь демократическую конституцию!». Всюду плакаты: «Да здравствует демократическая республика!», «Долой войну!», «Хлеба!», «Землю – крестьянам!» и т.д. То есть лозунг конституции был чисто интеллигентским лозунгом. Лозунгом, прежде всего, конституционных демократов. Даже в эсеровской партии он не получил широкого распространения.

Тем не менее, конституционное законотворчество велось и приносило кое-какие плоды. И не вина тех, кто готовил проект временной Конституции (я имею в виду членов Юридического совещания, – а туда входили не только юристы, но и известный историк Ю.И. Гессен), их труды не пропали даром. Если бы кадетов не отстранили от участия в работе Учредительного собрания, то, я думаю, их голос прозвучал бы. Но интересно, что ни в одном из выступлений тех, кого допустили к участию в работе Учредительного собрания, не прозвучало слово «Конституция». Л.Г. Протасов провел контент-анализ стенограммы и нигде не обнаружил. Я проследил за ним тоже. Правда, в конце, когда В.Б. Чернов оглашал проекты «Закона о земле» и «Постановления о государственном устройстве Российской демократической республики» дважды прозвучало словосочетание «федеральная конституция». Больше это не звучало.

Кто же первым и где принял первую республиканскую Конституцию в России? Она была принята 100 лет назад. Но не 10 июля, и не в Москве, и не на V Всероссийском съезде советов. Первая республиканская конституция, в общем-то, была принята в спешке на заседании Малой Рады Украины 29 апреля. Правда, в ночь с 29 на 30 апреля П.П. Скоропадский разогнал и Малую Раду, и всю Центральную Раду, и эта Конституция не действовала.

Что интересно, я недавно побывал в Киеве. Там я увидел марки «Михаил Грушевский – первый президент Украины», и памятник ему написан – мемориальная доска «Первому президенту Украины». Я внимательно изучал эту Конституцию... Дело в том, что мой дед был секретарем Конституционной комиссии Украинской народной республики. Там ни слова не говорится о президенте. Это, конечно, миф. Грушевский был всего лишь спикером и даже не парламента, а Центральной рады. Что такое Центральная Рада? Это нелегитимный, непарламентский орган. Члены туда делегировались от партий и общественных организаций. Это даже, извините, уровень легитимности у него был ниже, чем у Съездов советов. Тем не менее, эта Конституция была принята. Это была Конституция, в которой был закреплён режим парламентской республики.

Но процесс конституционного законотворчества продолжался на пространствах Российской империи. Ведь существовало ещё 37 антибольшевистских правительств и многие из них занимались...

В.П. Булдаков. Больше.

В.Б. Перхавко. Больше даже, вот Владимир Прохорович поправляет. На протяжении 1918–1922 гг. принимаются конституции: вначале временная, а потом постоянная Конституция Эстонии 1920 г., конституции Латвии, Грузии, Литвы и т.д.

Какие режимы предусматривали творцы, создатели этих конституций? Либо парламентские республики (конституции Грузии, Эстонии), либо президентские республики (конституции Литвы и Латвии).

Но самое главное ведь не просто принять конституцию демократическую, парламентской или президентской республики. Самое главное – это уровень правосознания населения и властей, от которого зависит, будет ли Конституция соблюдаться или нет. На самом деле, в той же самой Эстонии демократическая (казалось бы) Конституция не соблюдалась. Не соблюдались, например, статьи Конституции

о неприкосновенности депутатов. Расстреливали без суда и следствия коммунистов. То же самое было и в Латвии, и в Литве.

Мне кажется, что нам сегодня нужно заниматься пропагандой конституционных идей и Конституции. И тут я хочу вспомнить о деятельности большевиков. Да, их конституции (первая, вторая, третья) носили квазидемократический, квазисоветский характер, но, посмотрите, как умело они вели пропаганду. С 1918 г., с момента принятия той Конституции – плакаты, стихи... 1919 г. – памятник М.Д. Скобелеву свергают и устанавливают обелиск «Советской Конституции» на бывшей Скобелевской площади, который стоял, по-моему, до 1941 г. Возьмем Конституцию 1936 г. Только успели принять – в учебном плане уже в следующем 1937 г. появляется дисциплина (вы помните – кое-кто сдавал ее очевидно в школе, изучали ее сначала в 7 классе, а потом в 10 классе): «Конституция СССР». Была такая дисциплина. И я, будучи школьником и даже дошкольником, знал, что 5 декабря – это День Конституции. Это был выходной день, красный день календаря. Вот сегодня, если мы проведем опрос на Никольской улице и на Красной площади, то мало кто вам скажет, что 25 лет назад была принята современная Конституция. То есть власти не занимаются пропагандой этой Конституции. Мало того, что она не соблюдается, но она и не пропагандируется. У нас уровень правового сознания остался приблизительно такой же, как и в начале XX в. Конечно, с таким конституционным багажом трудно двигаться дальше по пути создания правового социального государства.

Завершая свое выступление, я хотел бы напомнить вот о каком документе. Помимо конституций демократических Грузии, Эстонии, Латвии, Литвы, Украины, у нас ведь существовала Дальневосточная республика. 27 апреля 1921 г. Учредительное собрание – там его созвали (в Петрограде его разогнали, а там его созвали при содействии большевиков) приняло очень демократическую Конституцию,

действовавшую, правда, только полтора года. Там гарантировалась частная собственность, там гарантировалось право на концессии, свобода личности, стачек и т.д. — все то, что здесь, в центре, преследовалось, запрещалось. Не знаю, в какой степени соблюдалась эта Конституция, но в ней, в отличие от Конституции РСФСР 1918 г. и Конституции СССР 1924 г. были отражены нормы НЭПа, новой экономической политики. Это единственный конституционный документ, который я знаю. А у нас тут НЭП приняли как курс, а где конституционное отражение этого курса? Как приняли, так легко и свернули.

В.А. Дёмин. Что именно в Конституции 1924 г. было написано о НЭПе?

В.Б. Перхавко. 1924-го? Я там ничего не нашел. Нет, абсолютно. Только в Конституции ДВР. Там была частная собственность, концессии свободные можно было брать всем. Предпочтение отдавалось, правда, общественным организациям, но могли и все граждане. Демократические свободы, не сравнимые с Конституцией РСФСР 1918 г. и с Конституцией СССР 1924 г. Там, правда, власть не принадлежала Советам. Там было Народное собрание как парламент и областные собрания. Естественно, там была многопартийность, хотя ведущую роль играла партийная организация дальневосточная большевиков (и части Красной армии находились), но там же действовали и эсеры, и меньшевики.

С.Ю. Разин. Валерий Борисович, вот вы привели пример Дальневосточной республики... Я, конечно, не специалист по истории российского Дальнего Востока, но понятно, что Дальневосточная республика существовала тогда и до тех пор, пока ее существование допускалось большевиками. Как только большевики посчитали, что это феномен сыграл свою роль, история Дальневосточной республики закончилась. Так можно ли всерьез говорить о том, что ДВР была какой-то реальной альтернативой?

В.Б. Перхавко. Я думаю, да. Мне кажется, что если бы большевики не разогнали Учредительное собрание, то оно бы разработало Основной закон приблизительно в таком же духе, как и Конституция Дальневосточной республики. Мне так представляется. Я, конечно, могу ошибиться – я не пророк, но конституция, разработанная эсеровским большинством Учредительного собрания, мне кажется, могла бы напоминать конституцию ДВР. Это была одна из демократических альтернатив.

В.П. Булдаков. Валерий Борисович, понимаете какая штука, – Учредительное собрание было обречено на самом деле. Кадеты-то от него уже отвернулись.

В.Б. Перхавко. Это верно.

В.П. Булдаков. Уже отвернулись. Я уже не говорю о том, что гражданская война уже шла. Учредительное собрание наше недаром одну из задач своих видело в прекращении гражданской войны в России. То есть тут альтернативы-то, к сожалению, никакой не было. Это надо признать.

В.Б. Перхавко. Но, извините, мне кажется, что вот мы рассматриваем октябрьские события как переворот... На самом деле разгон Учредительного собрания по значимости имеет не меньшее значение, чем вооруженный захват власти в Петрограде. Ведь это тоже, в общем-то, переворот политический – свержение законного органа, выбранного большинством населения.

В.П. Булдаков. Можно и так сказать, поскольку разгон Учредительного собрания сопровождался расстрелом демонстраций в поддержку Учредительного собрания в Петрограде и в Москве. Демонстрации были достаточно обширные, и убито было порядка трех десятков человек. Правда, я не считаю, что это была целенаправленная

стрельба. Это, скорее, истеричная стрельба. Нервы не выдержали. В тогдашней обстановке это было более чем естественно.

Был ли это переворот? Можно считать что переворот. Понимаете, после большевистского переворота началась целая цепь всевозможных переворотов – гражданская война, фактически.

В.Б. Перхавко. Ну, Учредительное собрание – это более легитимный орган, чем Всероссийский съезд Советов. Не правда ли?

В.П. Булдаков. Безусловно, безусловно. Надо сказать, что ВЦИК первого созыва, то есть эсеры и меньшевики, которые в нем преобладали, считали что Советы – это всего лишь «строительные леса» российской демократии. Здание будет выстроено – и «леса» эти можно будет отбросить за ненадобностью. Это факт...

Конечно, вне всякого сомнения, именно Учредительное собрание было не только легитимным... Кстати сказать, тут не надо забывать еще вот какую вещь... Сегодня мы уже говорили о том, что в свое время, в 1990-е гг., наши конституционалисты обложились конституциями иностранных держав. В 1917 г. было то же самое. Обложились всеми конституциями и давай писать, чтобы было лучше. Написали, между прочим. Формально это была самая совершенная по тем временам... Ну, во-первых, самый совершенный избирательный закон. Что касается конституции, то это оптимальный вариант был – президентская республика. Никуда не денешься – все так было.

Но беда-то в другом... Самый совершенный закон, самая совершенная конституция – она заведомо не стала бы работать! Она просто была слишком сложна для понимания большинством населения. Даже образованные люди не вполне понимали, на чем основывается процедура голосования в Учредительное собрание. И поэтому добились того, что в самом Учредительном собрании в меньшинстве оказались самые европеизированные партии – кадеты и меньшевики. Они

в меньшинстве – полностью проиграли. Это вполне символично. Понимаете, вот такая картина. На первый взгляд, парадоксальная, но на самом деле очень закономерная.

О чем я уже говорил сегодня – всякий законодательный акт должен опираться на мнение, на сознание и даже где-то, может быть, на историческое подсознание народа. То есть должен восприниматься каждый правовой акт как нечто свое. Наверное, нигде так не бывает до сих пор, но надо к этому стремиться.

В.Ю. Бельский. Мне кажется, что все-таки не на сознание и подсознание, а на потребности. Сам человек может не осознавать чего-то в данный момент времени. Для этого мы...

В.П. Булдаков. Вы понимаете, все, так или иначе, действуют на основании какого-то опыта, и в том числе исторического опыта. Другое дело, что этот исторический опыт понимается не вполне адекватно. Но, тем не менее, этот фактор надо учитывать. Надо учитывать не только разум, но, извините, даже и дурь. В этом состоит мудрость настоящего конституционализма. Ведь недаром я говорил, что англосаксонское право построено на исторических корнях... Корни его очень и очень глубоки, архаичны. Никуда от этого не денешься.

В.Ю. Бельский. Их конституционализм не отличается от американского и от английского... А мы-то пытались скрестить...

В.П. Булдаков. Мы пытаемся известно что... Мы то в одну сторону, то в другую... Один смотрит в одну, другой – в другую сторону.

В.Ю. Бельский. А что наша Конституция? Американская? Почему она дала такие возможности...

В.П. Булдаков. Понимаете, к тому же конституции, при всей своей наследственности, из какого-то революционного прецедента вырастают. Вот что интересно. Здесь важно еще и эти два момента учитывать.

В.Ю. Бельский. Они не сидят, а действуют, вносят поправки. Видят противоречие и сразу – раз-раз, и освобождают.

В.П. Булдаков. Ну, это прецедентное право, в конце-то концов – его можно корректировать. Оно само корректируется.

В.Ю. Бельский. А у нас либо ломать, либо...

В.П. Булдаков. Ну, тут, как говорится, без комментариев. С этим все ясно.

С.Ю. Разин. Сегодня уже неоднократно звучали термины «легитимность», «легитимизм», «легитимные органы»... Вы знаете, это вот по-западному понятие представление о легитимности и легитимизме – это такой жупел, который был выработан эпохой Просвещения. Этот жупел начал умирать уже в XIX в. Ну что, Николай I руководствовался этими представлениями о легитимизме. Чем это кончилось? Помог, исходя из этого, подавить революцию 1848 г. в Австрии. Потом Австрия вставила нож в спину Российской империи, и кончилось это Крымской войной и всеми последующими событиями.

А, скажите, пожалуйста: по принципу легитимности был развален Советский Союз? Или может быть, он был разрушен в соответствии с Конституцией СССР 1977 г.?

В.П. Булдаков. Да кто его развалил? Ну, сколько можно говорить о том, кто развалил Советский Союз и кто развалил Российскую империю? Да развалились они сами!..

С.Ю. Разин. Следующий момент. По поводу «легитимных» и «нелегитимных» органов: и кто какую роль играет? Скажите, пожалуйста: Политбюро ЦК КПСС в Конституции СССР упомянуто хоть раз? А Администрация Президента, где сегодня сосредоточены все реальные рычаги и механизмы, упомянута хоть раз в нашей современной Конституции?

В.Б. Перхавко. Она находится в помещении ЦК КПСС.

А.Б. Аверин. Большевики, когда к власти пришли, выступали как марксисты и действовали в соответствии с марксистской доктриной, по которой право как часть надстройки детерминируется экономикой, а в результате развития отмирало вместе с государством. Поэтому, конечно, Конституция для них не была приоритетом.

В.П. Булдаков. Конституционный закон был.

А.Б. Аверин. Да, да. В общем-то, когда читаешь, то понимаешь, что что-то по делу написано, что нужно власти для решения первоочередных задач, а что не нужно, то и не написано.

С.Ю. Разин. Как вообще сочетаются революция и легитимность?

В.Ю. Бельский. «Революционная целесообразность»...

В.Б. Перхавко. Совершенно верно.

А.Б. Аверин. В Конституции 1918 г., об этом здесь уже говорили, слишком много пропаганды и декларативности, мало конкретики там, где она необходима. Конституция 1924 г. в этом смысле уже лучше. Видно, что зачастую образцом выступал иностранный опыт, американский, где-то немецкий.

А вот по настоящему полноценной советской конституцией выступает уже Конституция СССР 1936 г. К ней, действительно, не придерешься. Ее приятно читать. И тут, конечно, также был использован иностранный опыт.

А дальше Конституция наша, современная, 1993 г. Ну, потенциал-то у нее, конечно, демократический есть. Кому он только нужен – это другой вопрос?

Ее можно трактовать по-разному... Читаешь учебники... К какой ветви власти относится Президент Российской Федерации? Ни к какой! Он – «арбитр». Такого не бывает! По теории глава государства всегда относится к исполнительной власти. Если только это не абсолютная монархия. Президент в России является главой государства

и исполнительной власти, а правительство носит больше «технический» характер. Любопытно, что нечто подобное было и в Российской империи после реформ 1905–1906 гг.

Но, все же, мы и должны трактовать нашу Конституцию «демократическим путем». Если хотим, конечно. Но надо помнить, что в кризисный период истории умеренный авторитаризм может спасти общество и государство, способствовать дальнейшему развитию демократии.

Что касается пересмотра Конституции, то я бы побоялся его предпринимать в нынешней ситуации. Я не против новой Конституции, и не против исправления старой, но в настоящее время лучше не ворошить муравейник. А вот как ее принимать, в каком виде? Если внести в проект нового Основного закона популистские нормы, народ за это проголосует и примет любую Конституцию... К сожалению, подобный путь наиболее вероятный...

В.Б. Перхавко. Мне кажется, главное, чтобы сегодня хотя бы эта, «недемократичная», Конституция соблюдалась. Зачем принимать декларативные конституции? Любая конституция должна соблюдаться. Вот в чем все дело!

С.Ю. Разин. Да не живем мы по ней. Не живем по ней!

В.Б. Перхавко. “Sed lex, dura lex” – говорили древние латиняне. А мы не живем по ней, правильно.

В.Л. Шейнис. Уважаемые друзья! Давайте поставим такой вопрос... Историк, с моей точки зрения, не только имеет право, но и обязан исследовать несовершившиеся варианты.

Вот, представим себе такое дело... После Февральской революции чрезвычайно маловероятно было, что удержится какой-то многопартийный режим. Но вот, представьте себе, что Антанта выиграла войну не в 1918 г., а раньше. Что в России?

Монархия, скорее всего, или не удержалась бы, или должна была бы трансформировать Основные законы 1906 г. Вокруг чего шла бы борьба? Вокруг 87 статьи. Уверен, что это главный вопрос, который волновал тех, кто принимал решение о том, какая должна быть Конституция. То есть: «земля». Ведь поднималось новое сословие, которое было заинтересовано в том, чтобы частная собственность на землю была именно такой, какой она существовала в Европе. И адресовались бы эти люди (и, весьма вероятно, получили бы поддержку, может быть, большинства) не к представлениям крестьянина, а к представлениям вот этого относительно передового класса.

То есть, я хочу сказать, что развитие, в общем, шло в более или менее разумном направлении, и то, что произошло – произошло в значительной мере в результате стечения неблагоприятных обстоятельств. Я имею в виду победу большевиков.

В.А. Дёмин. Хотел бы поспорить с утверждением о том, что 87 статья вызывала наибольшее недовольство. Как Михаил Борисович [Аверин] сказал, по этой статье можно было издавать либо краткосрочные законы, либо законы, с которыми Государственная дума была согласна. С этой статьей был связан скандал 1911 г., но после этого она была скомпрометирована и до Первой мировой войны не применялась. Активное ее использование в годы Первой мировой войны было в общем оправдано. Тут основной спорный вопрос был другой – об ответственности правительства.

Как известно, кадеты были сторонниками ответственного правительства, а у октябристов, которые в III Думе господствовали, позиция была по этому вопросу противоречивой. Они были согласны с ответственным перед монархом правительством лишь при условии, что это правительство будет также активно сотрудничать с Думой и в известной степени ей подчиняться. Поэтому, когда после Столыпина

правительство перестало сотрудничать с Думой, октябристы фактически перешли на позиции ответственного министерства. Поэтому основной спорный вопрос был именно вот этот – перед кем ответственно правительство.

Г.Н. Ланской. Понимаете, скандал 1911 г. был с вызван тем, что между Императором и Думой был Государственный Совет. Были инструменты, которые этим управляли. Проблема была в том, что не на всех территориях страны было внедрено земство. Были территории, где оно не было внедрено. По этому поводу и был скандал. Речь шла о Царстве Польском.

В.А. Дёмин. Никак не о Польше, а о Белоруссии и Правобережной Украине.

Г.Н. Ланской. Ну, Холмская губерния – эти вот все территории... Западные земства. В свое время были инструменты, которые управляли вот этой вот ситуацией, – это было так.

А.В. Шубин. Уважаемые коллеги! Конституционный процесс, степень идеологичности которого мы здесь обсуждаем, пронизан идеологией с двух сторон. С одной стороны, правовая логика внутренне идеологична, так как основана на идеологических постулатах, которые могут далеко отходить от реальности. В этом не только недостаток конституционного права, но и его достоинство – в этой внутренней логике, которая может влиять на логику жизни, на ее процессы. Но, с другой стороны, при создании конституции ее отцы прикрывают свои социально-политические интересы идеологическими одеждами, чтобы еще и с этой стороны убедить общество в своей правоте и способствовать изменению потока жизни в нужном им направлении.

В этом отношении некоторые конституции являются плодом компромисса (как законодательство Российской империи 1906 г. и отчасти Конституция 1993 г.), а могут быть инструментом власти, направленным

на заранее обдуманые цели (как советские конституции). Суть советской конституции 1918 г. – в оформлении разворота от власти Советов и стремлений к народовластию снизу к новой стратегии централизованной «Советской» (по названию) власти центральных государственных органов. Такая конституция могла быть принята только после разгрома левых эсеров, которые пытались внести в конституционный процесс дух самоуправления и региональной автономии. В Конституции говорилось, что Совет народных комиссаров «принимает все меры, необходимые для правильного и быстрого течения государственной жизни» (ст. 37). Эти безбрежные полномочия по оперативному управлению страной ограничивали Съезды Советов РСФСР и ВЦИК, ведению которых «подлежат все вопросы, которые они признают подлежащими их разрешению» (ст. 50). Но у центральных органов были возможности влиять на подбор делегатов съездов, а ВЦИК был тесно спаян с СНК партийными и личными связями. На долю местных Советов (по ст. 61) оставалось немного: «проведение в жизнь всех постановлений соответствующих высших органов Советской власти» и разрешение вопросов, имеющих «чисто местное» значение, то есть до регулирования и управления которыми руки у центральных органов не дошли. В Конституции фиксировались и марксистские идеологемы, что было важно для нужд пропаганды. Но не будем забывать, что лидеры большевиков действительно верили в эти идеологемы (как отцы Конституции 1993 г. верили в закрепленные в ней либеральные идеологемы). Более поздние советские конституции предназначались для нужд агитации (причем скорее зарубежной) уже в гораздо большей степени, так как реальное принятие решений происходило вне конституционных рамок.

Казалось бы, Конституция 1993 г. совсем из другого мира. Как член Конституционного совещания, я наблюдал процесс ее создания изнутри,

публиковал свое мнение о конституционном процессе 1993 г. развернуто, знаком с воспоминаниями и оценками других осведомленных соучастников процесса, в том числе и уважаемых В.Л. Шейниса и О.Г. Румянцева. Мой основной вывод заключается в том, что конституционный компромисс 1993 г. был разбалансирован победой сторонников сильной президентской власти (как в июле 1918 г. – победой сторонников сильного государственного центра). Мы записали в конституционный проект множество благих пожеланий, опирающихся на идеологические построения гуманистов и правоведов (в моем случае – также на экологическую мысль). Но после расстрела Белого дома у президентской стороны была возможность записать в проект, выносимый на референдум, те положения, которые обеспечили принципиальное доминирование Президента над другими ветвями власти. И со временем это ядро конституции 1993 г. пожрало все остальные ее части, которые этому ядру противоречили – прежде всего, о правах и свободах граждан, самостоятельности суда и парламента...

Таким образом, идеи, вдохновляющие отцов Конституции, имеют вполне земное, практическое преломление, оказывая непосредственное влияние на направление развития страны. Эти идеи усиливают те или иные силы в обществе, обеспечивая их преобладание.

А.Н. Медушевский. В свете юбилея не вызывает сомнений важность постановки конституционного вопроса как ключевого элемента текущей политической повестки. Об этом свидетельствуют как заключения экспертов, так и заявления официальных лиц.

Констатируем три идеи, в отношении которых согласны большинство участников дискуссии: 1) Конституция 1993 г. стала основой и символом перехода от коммунизма к постсоветской трансформации общества; 2) разрыв и отчуждение общества и власти затем постоянно усиливались, и Конституция становится все менее реальным

ограничителем власти (феномен конституционного параллелизма); 3) данная ситуация связана с политическим режимом, который во многом стоит над Конституцией и законодательством и использует их как свои инструменты (что отражено в сменявших друг друга доктринах «диктатуры закона», «суверенной демократии» и «государственной безопасности» – превентивного государства).

Учитывая консенсус по этим вопросам, я не буду их далее комментировать и аргументировать.

Дискуссионным является вопрос об оценке текущей ситуации. Некоторые определяют ее как «конституционный кризис» имея в виду тот простой факт, что Конституция все более утрачивает связь с реальностью. На наш взгляд, это не точное определение, поскольку конституционный кризис предполагает столкновение функционирующей демократии с определенными трудностями. Кризис проявляется: 1) в эрозии легитимности Основного закона – конфликте легитимности и позитивного права; 2) непримиримом конфликте политических сил по вопросам интерпретации конституционных положений; 3) противопоставлении конституционной и политической реальности. Ничего этого нет в современной России. Конституция, согласно социологическим опросам, вполне легитимна (с ее положениями солидарна большая часть общества), ее нормы не являются предметом противоположных трактовок политических партий, а противоречие конституционных положений и практики снимается направленным толкованием смысла конституционных норм. Текущая ситуация – не конституционный кризис, а *стагнация* в демократической конституционной трансформации.

Поэтому понятие конституционного кризиса применимо к Веймарской республике или России 1993 г., но не к современной ситуации. Проблема в том, что в России не было функционирующей демократии ни в 1917 г. ни в 1993 г., нет ее и сейчас. Об этом подробно

говорили участники дебатов. Объясняется это особенностями исторической традиции, природой российской власти или ошибками постсоветского переходного периода? Безусловно, историческая традиция и сформированная ею политическая и правовая культура, стереотипы которой в уродливом и схематичном виде были закреплены в советский период – имеет значение. Однако объяснения, сводящие дело к этой традиции или так называемой «исторической колее» – есть упрощение дела, граничащее с карикатурой. Во-первых, любая традиция может восприниматься по-разному (как стабильная или «замороженная» и как динамичная, открывающая возможности развития); во-вторых, авторитарная традиция присутствует практически везде и Россия – не исключение; в-третьих, если традиция выступает тормозом развития – почему бы не отказаться от нее? И, конечно, дело не сводится к вопросу о соотношении укорененности и имитационности конституционных институтов, поскольку заимствования – основной инструмент правовой модернизации во всех регионах мира.

В отношении действующей Российской Конституции эта постановка вопроса особенно важна. Принимая тезис о росте авторитарных тенденций, современные исследователи затрудняются в постановке диагноза: что первично в системе воспроизводства конституционных дисфункций и, следовательно, определяет приоритеты реформирования – состояние общества, собственно конституционные нормы («конституционный дизайн»), политический режим или правоприменительная практика, включающая баланс формальных и неформальных норм?

На наш взгляд, Конституция 1993 г. не исключала ее авторитарного прочтения, но и не предполагала его. Это прочтение стало реальностью из-за трудностей переходного периода (в условиях сочетания радикальных экономических и политических реформ, фактически начавшегося распада страны и отсутствия демократических традиций и институтов,

искорененных в советский период); апатии общества, традиционно пассивного в отношении власти, которая, в свою очередь, естественно апеллировала к более традиционным методам управления. Эта ситуация определила смену ценностных ориентиров – апелляцию к изобретенной традиции и «колее», которая является не столько исторической реальностью, сколько феноменом сознания консервативной элиты и части интеллектуального сообщества, оказавшейся неспособной преодолеть инертность объясняющих схем и предложить конструктивные альтернативы.

Подчеркнем фундаментальный факт: эта стагнация – завершение цикла постсоветского развития фазой конституционной ретрадиционализации или Реставрации, для характеристики содержания которой используются разные понятия (движение к плебисцитарному авторитаризму и демократическому цезаризму, необонапартизму, избираемому самодержавию). Конституционной формой такого режима становится мнимый конституционализм (*Scheinkonstitutionalismus*) – схематично: означающий сохранение в демократической конституции (путем правовых ограничений, неясностей и пробелов) особой трактовки разделения властей – существование реального приоритета исполнительной власти (точнее, юридически или фактически возглавляющего ее института главы государства) в интерпретации смысла конституционных норм и их трансформации.

Стадиально российская ситуация сопоставима с периодами окончания социальных революций, когда гражданское общество начинает ощущать силу, обращается с моральным запросом к власти и осознает необходимость перехода от системы демократического цезаризма (имеющего признаки харизматического лидерства) к системе рационального институционального правления. Это предполагает решение проблемы перезагрузки политической системы и транзита лидерства,

которая в разных странах решалась путем экспериментирования с различными формами правления, общий смысл которого состоял в отказе от политического монополизма – гипертрофированных полномочий главы государства путем разделения его символического статуса и роли в управлении. На практике вектор движения – переход от персоналистского режима к деперсонифицированной системе институтов, соответствующей аутентичной смешанной модели правления, очищенной от диспропорций и искажений переходного периода.

Суть постсоветской конституционной трансформации – не в том, что режим изменяет текст Конституции (конституционные поправки 2008 и 2014 гг. важны, но не вносят радикальных изменений существующей модели), но в общей политике права – целенаправленной интерпретации конституционных норм в пользу режима. Власть декларирует конституционную стабильность и неизменность конституционных принципов, но на деле трансформирует их смысл – определяя информационные приоритеты дискуссии, доминируя в ней, используя новые технологии манипулирования – смесь исторических стереотипов, предрассудков, селективного использования права, комбинацию формальных и неформальных методов реагирования для утверждения господства силы над правом.

Стабильность Конституции, следовательно, не исключает различия оценок действующего политического режима – как демократического режима, режима «ограниченного плюрализма», авторитарного, переходного или гибридного (сочетающего признаки демократического и авторитарного свойства). Не исключает она и эволюции политического режима – в рамках одной конституционной формы в постсоветской России констатируется существование фактически пяти политических режимов при трех президентах.

Отсюда – выдвигаемый нами масштаб понятия «конституционная реформа». Она не сводится к текстуальным поправкам, но включает совокупность мер по движению от мнимого конституционализма к «нормальной» демократии в форме аутентичной президентско-парламентской республики. Общим ориентиром остается Французская V Республика, дуалистическая модель которой была положена в основу Российской Конституции, но не стала реальностью в силу искажений механизма сдержек и противоречий, свойственных аутентичной модели. В текущей ситуации ориентиром российских реформ могут служить поправки 2008 г. к Французской конституции, обеспечивающие ее трансформацию к парламентско-президентскому режиму. Вообще, информативна историческая традиция русского конституционализма – внимательное отношение к французским моделям – от декабристов к проектам Учредительного собрания и от него – к Конституционному Собранию 1993 г.

В целом, задача российских реформ – вернуть аутентичный смысл этой смешанной форме правления, очистив ее от диспропорций и искажений последнего времени. Для этого в современных рекомендациях предложено три вектора преобразований:

- 1) конституционные поправки в узком смысле: изменение ряда статей, меняющих баланс соотношения ветвей власти – парламента, правительства и президента – в пользу парламента и расширения ответственности правительства перед ним; трактовку федерализма и бикамерализма в пользу более четкого разграничения полномочий Центра и регионов, диверсификацию функций управления; трактовку конституционного правосудия и судебной власти в пользу их большей независимости;
- 2) пересмотр конституционного и обычного законодательства, принятого в последнее десятилетие, по реализации основных конституционных принципов (что возможно без изменения текста Конституции);

3) изменение политики права и судебного толкования конституционных норм (как минимум, выработка непротиворечивой доктрины конституционной интерпретации по ключевым направлениям).

Важной частью реформы должна стать трансформация институтов – административная и судебная реформы, преобразования в области местного самоуправления и практик правоприменения (включая пересмотр ряда конституционно-девиантных неформальных практик).

Отмечу мое скептическое отношение к требованиям радикальной конституционной реформы или, тем более, конституционной революции – созыву новой Конституирующей ассамблеи и принятию новой конституции, радикальному изменению формы правления и т.д., что в существующей политической реальности может завершиться не триумфом либеральной демократии, а коллапсом государства.

Три возможных вектора развития политической системы: 1) консервативный (сохранение существующей системы мнимого конституционализма) и даже продолжение стагнации; 2) дестабилизация из-за внутренних или внешних причин (с последующей деградацией демократических институтов и восстановлением авторитаризма в новой форме); 3) более реалистический вариант – постепенное согласованное движение к конституционной демократии как результат нового «пакта элит», осторожного движения от имитационной многопартийности к реальной и смены лидерства.

Момент истины для российской политической системы – проблема 2024 г., то есть ситуация окончания последнего конституционного мандата действующего лидера и необходимость решения вопроса о преемственности власти, легитимности и лидерства. Моделирование возможных ситуаций транзита власти – уже стало частью политической повестки, включая как радикальные предложения (по изменению Конституции), так и различные институциональные и тактические

маневры в рамках ее положений. Обращает на себя внимание, однако, отсутствие консолидированного проекта демократического транзита, ставящего этот вопрос на уровень общественных дебатов и профессионального обсуждения.

Перед гражданским обществом и экспертным сообществом это ставит ряд задач: общее конституционно-правовое просвещение, необходимое в силу апатии и безразличия общества к праву (работа в конституционном информационном поле); представление альтернативы односторонней официальной трактовке конституционных принципов; предложение и обсуждение программы конституционных реформ в связи с политическими реформами; мониторинг правовых и политических изменений; установление взаимодействия с той частью элиты, которая заинтересована в либеральной трансформации и введении политической конкуренции; предложения консолидированного проекта демократического транзита, а в перспективе – конструкции и состава правительства общественного доверия, способного предложить и осуществить сбалансированную программу реформ в разных областях в ситуации смены лидерства.

Итак, общий смысл конституционных реформ не сводится к обсуждению текстуальных изменений или поправок в действующую Конституцию. Нужна, скорее, моральная революция в защиту права, а не только конституционная или политическая реформа. В противном случае, любая новая власть столкнется с теми же системными вызовами, которые в постсоветской России имели объективный характер и предопределили авторитарный вектор интерпретации конституционных норм. Без утверждения правового сознания в обществе полноценная конституционная реформа не возможна.

То, что предлагается – трудный путь. Он, конечно, внешне не столь эффективен, как радикальные призывы к конституционному пересмотру.

Но этот путь необходимо пройти, чтобы реализовать глубокое историческое стремление гражданского общества и интеллигенции к установлению либерального конституционного порядка в России.

М.А. Краснов. В дискуссии всплыл (и в наше время не мог не всплыть) вопрос о смысле юридической конституции. Хотя напрямую об этом не говорится, но чувствуется, что одни считают задачей конституции зафиксировать сущее. Другие – что она должна нарисовать некий, не говорю – идеальный, но оптимальный образ. Я раньше не слышал анекдот, рассказанный С.С. Митрохиным (и так уместно пересказанный сегодня В.В. Бабашкиным). А ведь он очень точно отражает этот вопрос, который вообще-то поставлен давно, пожалуй, еще в середине XIX в. Сам вопрос коррелирует с двумя значениями латинского слова «конституция» при переводе на русский: «устройство» и «установление». В первом значении – закрепление основных черт сущего (самый яркий сторонник такого понимания – Ф. Лассаль, который утверждал, что конституция есть «фактические отношения силы»), во втором – акт, как бы навязывающий волю некоего могущественного субъекта (к этому был близок, например, М.М. Сперанский, Г.Еллинек).

Абсолютизация одного или другого значения не приведет нас к верному пониманию. Если мы абсолютизируем значение «устройство», конституция становится просто ненужным документом (тот же Лассаль говорил, что древним и средневековым монархам не было нужды сочинять конституцию). И вправду, почему появилась идея Конституции как Основного закона государства (или коренных законов, по Сперанскому)? А она появилась еще в XVII в., и первыми ее начали реализовывать некоторые американские колонии Англии. Первой же конституцией в современном смысле считается Конституция США 1787 г., вслед за которой в 1791 г. появились подобные акты в Польше и Франции. Ясно, что вовсе не для того, чтобы «сфотографировать» несущие конструкции

государства. Смысл первых трех конституций – ограничение государственной власти. Собственно, это составляет и стержень конституционализма, как бы его ни определять (а определений много). Кстати, поэтому я постоянно возражаю А.Н. Медушевскому, который говорит о «номинальном конституционализме» советских конституций. Но в них не было даже номинального ограничения власти. Именно поэтому большевики вполне могли обходиться и без конституций. Просто к этому времени «приличия» требовали их принятия.

Если же мы абсолютизируем значение «установление», то прав Лассаль, говоря, что юридическая конституция неизбежно падет, если не соответствует фактической. Ну, действительно, мысленно перенесите, например, действующую российскую Конституцию в эпоху Алексея Тишайшего или в петровскую империю или даже в середину позапрошлого века. Она не то что не будет действовать – ее просто почти никто не поймет.

Но разве нынешняя ситуация в России не тот же случай? Разве наше общество ценит, защищает принципы, ценности, заложенные в первых двух главах? Значит, они ему чужды? И значит, не является ли «ценностная часть» нашей Конституции (или, как сказал В.Л. Шейнис, «два континуума, два разных пласта») чем-то выдуманным либералами и отторгаемым народом?

Всем хочется определенных ответов. Мне тоже. Но в социальной сфере такие ответы невозможны. Поэтому, конечно же, при разработке конституции, особенно, если она призвана закрепить переход от одного общественного строя к другому, нельзя не учитывать наличную реальность: уровень правосознания общества, силу исторической инерции и стереотипов массового и элитарного сознания, экономическое состояние страны, национальный и религиозный состав населения и пр. и пр. Но точно так же следует понимать, что конституция и сама является

значительной социальной силой: закрепляя некие императивы, она обязывает совокупную публичную власть действовать определенным образом – прежде всего, соблюдать, охранять и защищать провозглашаемые данной конституцией принципы. В этом и состоит искусство разработчиков конституционного текста.

Но дело не только в искусстве. И здесь я хочу возразить Виктору Леонидовичу [Шейнису], который сказал, что конституцию лучше создавать в спокойное время. Вот, сегодня уж на что время спокойное (внешне, разумеется). Власть, можно сказать, правит прямо по А.С. Пушкину – «лежа на боку». Но понятно, какая конституция получится, если «наверху» решат принять новую конституцию или радикально изменить действующую. В том-то и дело, что главным условием для создания сбалансированной конституции является не спокойствие, а возможность достичь компромисс между разными политическими силами. Разумеется, если эти силы не разделяет мировоззренческая пропасть (например, кадеты и большевики никак не смогли бы достичь компромисса).

С этих позиций я хочу бегло взглянуть на нашу конституционную историю. Принято считать (я и сам так считал раньше), что все бы пошло иначе, если бы Съезд народных депутатов РСФСР следовал своему графику подготовки и принятия Конституции, который он выработал в июне 1990 г. По этому графику Конституция должна была бы быть принята уже весной 1991 г. Но (здесь уже об этом говорилось) одобренный Конституционной комиссией проект не был поддержан Съездом.

Однако мне не приходилось слышать, чтобы кто-то ставил вопрос: а отвечала бы эта Конституция двум условиям: реалистичности и способности заставить власть действовать в определенном направлении? Моя позиция состоит в том, что если бы Конституция была принята на основе проекта осени 1990 г., она – при всей высокой оценке труда

экспертов – стала бы разрушительным фактором. По нескольким причинам.

Первое. РСФСР была еще не самостоятельным государством, а республикой в составе СССР. Да, была уже принята Декларация о государственном суверенитете, провозглашавшая, в частности, право России приостанавливать действие актов СССР, вступающих в противоречие с российскими Конституцией и законами. Но было еще не ясно, каким будет новый Союзный договор. Да и реальность всегда оказывается более суровой. Я как-то спросил Олега Румянцева, почему в первых вариантах проекта Конституционной комиссии практически нет упоминания об СССР. Он ответил, что в то время было непонятно, будет ли новый Союз и если да, то каким.

Второе. Фундаментальные изменения в государственном и общественном строе, размывающие принципы советского типа государства, только начинали происходить, и еще не было известно, до какой степени радикальности они дойдут. Идея принципиально новой государственности еще не владела массовым сознанием и не существовало консенсуса элит по этому вопросу. К тому же, одна (наибольшая) часть элит состояла из приверженцев советского строя, другая – была весьма разношерстной, хотя ее тогда и объединяло понятие «демократы». Между тем, тогдашние версии проекта Конституции РФ исходили из сохранения такого положения на несколько лет: в переходных положениях проекта устанавливалось, что народные депутаты РСФСР автоматически становятся депутатами нового Парламента, а выборы его нового состава Парламента планировались лишь на март 1994 г.

Наконец, *третье.* Никто не знал, какая именно система власти должна сменить советскую. В.Л. Шейнис правильно напомнил о двух вариантах «А» и «Б». Но он не вполне верно их оценивает. Сожаление Виктора Леонидовича по поводу отвергнутого варианта «Б» связано

с убеждением, будто он содержал модель парламентской республики. Но, во-первых, это не так. Название варианта «Правительство, ответственное перед Парламентом» было обманчивым. На самом деле в нем содержалась модель смешанной, или полупрезидентской республики, хотя бы уже потому, что предполагалось избрание Президента на всеобщих выборах. А, во-вторых, если это и был вариант парламентской республики, ничего хорошего такая конституция не принесла бы. Предстояли радикальные и болезненные реформы, которые вряд ли можно было провести без сильной президентской власти.

А вообще оба варианта проекта Конституционной комиссии – и президентской, и полупрезидентской республик – имели сильный отпечаток советской доктрины, формально возвышающей представительные органы над всеми другими. В проекте новой конституции даже при признании принципа разделения властей получалась как бы реинкарнация принципа «полновластия Советов»: властные прерогативы были распределены таким образом, что законодательная власть оказывалась непропорционально более сильной, чем Президент. Разумеется, институционально сильный парламент в большей степени соответствует идее демократии и к тому же несет в себе мощный антиавторитарный заряд. Именно его отсутствие во многом и привело к установлению в России персоналистского режима.

Но, *во-первых*, сильный парламент не означает его всемогущества и диспропорций в системе власти. Можно напомнить, что в прошлом часто говорилось о «тирании законодательных собраний». А, *во-вторых*, разработчики не учитывали, что предстоит сложный период транзита, причем в условиях слабо структурированной и крайне неустойчивой партийной системы. Модель «слабый президент – сильный парламент» без устойчивых партий со своим ядерным электоратом не только не служила

общественному спокойствию, но, наоборот, была способна спровоцировать хаос в системе власти и затем в обществе.

Из сказанного вытекают, на мой взгляд, два вывода. *Первый:* от конституции может очень многое зависеть. Поэтому ответственные политические силы не вправе смотреть на нее как на средство решения текущих задач. И *второй:* позиция якобы неизбывного антиконституционализма российского народа ни на чем не основана. Существующее положение вещей вовсе не служит доказательством, ибо оно во многом обязано той системе власти, которая была сконструирована в отсутствие политического компромисса и которая не могла обеспечить внедрение конституционных ценностей в массовое сознание.

П.П. Марченя. Хорошо, что у нас достаточно интеллигентно прошли дискуссии. Мы ожидали более ожесточенных споров.

На наш взгляд, отношение к конституционализму и парламентаризму в России – это такой своеобразный критерий демаркации России на «две России» (наподобие «красных» и «белых» столетней давности). Есть та Россия, которая, как не понаслышке сформулировал Виктор Леонидович [Шейнис], живет «по праву победителей», как «белые люди», довольные конституционным устройством... Но ведь есть еще и та – большая! – не «белая», а «черноземная Россия» (как сказал бы Владимир Валентинович [Бабашкин] – «посткрестьянская Россия»), которая живет с острым чувством социальной несправедливости... В этом смысле, не дай Бог, опять произойдут какие-то события, которые актуализируют это противостояние, и мы снова рискуем получить «белых» и «красных».

В каком-то смысле, тот вопрос, который мы сегодня поставили на обсуждение, – это мера понимания России и ее дальнейшего пути. Мы опять стоим перед тем же выбором, что и сто лет назад. Не помню, кто сказал, что Россия – это удивительная страна, в которой за пять лет может измениться все, а за сто лет – ничего. По-моему, в точку.

Я как-то семь лет назад был приглашен на Второй канал (на «Россию») на передачу «Исторический процесс», где С.Е. Кургинян и Н.К. Сванидзе как раз обсуждали тему разгона парламента – от разгона Государственной Думы в 1907 г. до расстрела Белого дома в 1993 г. Меня тогда Кургинян позвал – против Сванидзе. Ну, у нас же это всегда консолидирующий фактор – против кого-то. Я особо в детали не вдавался и когда пришел, то там с удивлением оказался за одним столом с А.В. Руцким и Р.И. Хасбулатовым, что, в общем-то, для меня было как-то неожиданно. В своем выступлении я все-таки сказал, что и парламент тоже, мягко выражаясь, далеко не только конструктивную роль играл. И что Госдума в 1907 г. не зря была разогнана, и в 1990-е гг. эта история в некотором смысле повторилась. После чего все мои реплики, по всей видимости, вырезали, и получилось потом в эфире, что я как будто бы просто так сижу рядом с Хасбулатовым и молчу всю передачу. Сказали, что со звуком что-то случилось – какие-то технические неполадки.

С.Ю. Разин. В таких случаях всегда «технические неполадки». «Пленка» и т.д.

П.П. Марченя. Семь лет назад это решили следующим образом. Хотя в других передачах почему-то со звуком было все нормально и ничего не вырезали. А это вот, про парламент и парламентаризм в России, – «неформат» оказался.

Вспоминал сегодня уже Владимир Валентинович [Бабашкин] этот замечательный анекдот про Англию с ее единственной неписаной Конституцией и с нашими многими писаными... Ну, действительно, если у нас только за XX в., и если брать только Российскую республику, то это: Конституция 1925 г., это Конституция 1937 г., это Конституция 1978 г., это Конституция 1993 г... Так, может быть, проблема не в конституциях? В Англии, ну действительно же, нету вообще ни одной писаной

конституции, но там есть конституционализм и парламентаризм. А у нас... *реалии*, скажем так, другие...

Опять к вопросу о *мифах*... Вот сегодня – спасибо за откровенные ответы на откровенные вопросы... Историк, который специально много лет изучал именно эту тему [В.А. Дёмин], ответил мне достаточно категорично (и я умышленно редуцированно сформулировал такие категоричные вопросы): конституционализм и парламентаризм в России носят на 100% заемный характер. Я надеюсь, никто не сочтет такие выводы экстремизмом, это всего лишь академическая констатация эмпирических фактов.

Получается, что (пока, во всяком случае) периоды активности парламента и видимого присутствия принципа конституционализма в политической жизни России непременно заканчиваются смутой, революцией, катаклизмами. Другой практики мы, к сожалению, не имеем. Это просто научная, а не политическая, проблема, которую, мне кажется, надо обсуждать за круглым столом, а не за революционными баррикадами. Тем более, каким небольшим может оказаться расстояние между ними, мы за один век несколько раз уже увидели.

В этом смысле, действительно получается (на практике, эмпирически, позитивно – а вовсе не потому, что мы подтасовываем факты), что конституционализм и парламентаризм в нашей, отечественной, системе взаимодействия власти и общества оказываются в обратно пропорциональной зависимости от степени согласия этих самых власти и общества. Нравится это кому-то или не нравится, но у нас это – индикатор не порядка и тревожный фактор. И эту проблему необходимо научно исследовать.

С.Ю. Разин. Я считаю, что публичная политика в России была всего два раза: первый раз с 1905 по 1918 гг. и второй раз – с 1985 примерно по 2000 гг. Это говорит о том, что российский конституционализм,

российская многопартийность, российский парламентаризм – это проявления кризиса имперской системы. История показывает, что как только происходит преодоление кризиса имперской системы, эти политические рудименты в России засыпают.

Г.Н. Ланской. Уважаемые коллеги! Надо сказать, что я должен вспомнить предыдущий наш круглый стол по марксизму... Когда речь шла о том, чтобы его объявить и провести здесь, то руководство университета с некоторым сомнением относилось к организации этого мероприятия, опасаясь того, что в его рамках может быть некая пропаганда марксистских идей, в то время как Министерство науки и высшего образования сейчас не очень приветствует эти все позиции.

Ну, в общем, я сказал, что здесь не будет «марксистский кружок», что все будет нормально, что люди соберутся со взглядами антибольшевистскими, в основном, и по этой причине все будет достаточно спокойно.

После того как у меня состоялась дискуссия такая с руководителем нашего университета, я понял, что формулировка «Российский конституционализм: мифы и реальность» в качестве названия круглого стола в этих стенах не пройдет. Поэтому я и попросил несколько скорректировать формулировку темы нашего круглого стола, и в результате его название обрело свой окончательный вариант.

С.Ю. Разин. Хотя согласитесь, что, по сути дела, это то же самое.

Г.Н. Ланской. Мне кажется, что мы сегодня обсудили достаточно важные вопросы.

Первый вопрос заключается в том, что, конечно, сам по себе текст Конституции – это тот документ, который не стоит менять, прежде чем изменять политическую систему. Это совершенно бесполезно. Она не будет действовать. Вот этот тезис, который сегодня прозвучал, мне кажется чрезвычайно важным. Причем, очень важно, что он прозвучал и из

докладов тех, кто участвовал в разработке того текста, и из докладов тех, кто на это со стороны смотрит.

Второй достаточно существенный момент состоит в том, что конституционализм может активно развиваться только при развитии правосознании общества. Вот этот момент тоже обсуждался достаточно подробно. Но, с другой стороны, я хочу предложить опираться на идеи Просвещения... Все-таки, задача Конституции не в том, чтобы адаптировать правосознание и выстраивать какие-то нормы, а в том, чтобы воспитывать общество и формировать такого рода цели. И в этом, собственно говоря, состоит ее философская сущность. Иначе правовое государство никогда бы не сложилось, если бы сохранялось традиционное общество. Ну, базируемся мы на этом, и ладно, и будем по-скотски жить и жить в бесправии. Мне кажется, что такая точка зрения излишне скептична.

Конечно, тот факт, что экспертное сообщество собирается, и мы обсуждаем эти вещи – это является чрезвычайно важным. Возможно, чье-то правосознание скорректируется от того, что они почитают эти научные труды.

Третий момент, который, я думаю, является чрезвычайно важным, заключается в том, что в российской практике традиционно, к сожалению, существует дихотомия между автократическими тенденциями и какими-то конституционными подвижками. Поэтому речь идет о том, что в истории России очень трудно найти ситуации, когда бы эта автократия не стремилась к тому, чтобы влиять на общество, на правовой процесс. Вот поскольку мы не можем найти такие периоды в нашей истории, когда такие процессы были, и наоборот, когда автократические тенденции приходили к кризису, то государство и разрушалось само по себе, как сказал Владимир Прохорович [Булдаков].

Мы это наблюдали в период Перестройки. Уж очень был демократичный период: и Съезды народных депутатов собирались (вот он, конституционный процесс в действии!) между XIX партийной конференцией и событиями, которые должны были привести к заключению Союзного договора 20 августа 1991 г. В общем, ни к чему хорошему это не привело.

Конечно, и в рамках вузов, и в рамках научной среды, мы должны эти вопросы изучать и рассматривать. Я надеюсь, что это не последняя наша дискуссия по этому поводу, и мы будем очень рады всех видеть вновь в этих стенах для обсуждения этих и других вопросов.

Электронный препринт в Открытом Архиве Соционет:

Российский конституционализм: теоретические проекты и исторические реалии / ред.: П.П. Марченя, С.Ю. Разин. – М., 2019. - 84 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://users4496447.socionet.ru/files/Constitutionalism.pdf>

Усл. печ. л. 5,0

© *С.В. Авдеев, М.Б. Аверин, В.В. Бабашкин, В.Ю. Бельский, В.П. Булдаков, В.А. Дёмин, А.Д. Жилкин, А.Л. Золкин, М.А. Краснов, Г.Н. Ланской, В.А. Лепехин, П.П. Марченя, А.Н. Медушевский, В.Б. Перхавко, С.Ю. Разин, В.Л. Шейнис, А.В. Шубин*, 2019

© Научный проект-«Народ и власть», 2019